

Теннадий Дорожников

ВЫСОКАЯ ЭРОТИКА КАТАСТРОФ

(Ромашка)

...Сяду, накаたю повестушку, экое дело,
а напишется больше – назову «ромашкой» –
не романом же...

*Из интервью Михаила Чудинова-Бухалова
корреспонденту «Time»*

Глава первая НА РЖАВЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

Собственно, настоящая катастрофа произошла давным-давно – на воде – на реке, но ее катастрофой называет только он сам, Бочаров, остальные просто смеются: ну надо же, перевернулся на байдарке подле самого берега, где и течение слабенькое, и глубина – по колено, и смешно возился в воде, пытаюсь не показаться смешным, и понял, что с ним произошла катастрофа, только тогда, когда по реке поплыли буханки хлеба – весь запас экспедиции, который был загружен в его байдарку.

Он считал себя отличным гребцом, и Маша так считала, и все так считали и, может быть, надеялись на него, как на бывалого речного ходильца, и в первые дни экспедиции он подтвердил это, не расставаясь с гитарой: «Изгиб гитары желтой ты обнимаешь...», и все дружно подхватывали: «...нежно...», – и плескалась в борта байдарок речная волна, и легкий ветерок помогал гребцам, и хотя тревожно кричали чайки, ничего не предвещало беды.

Впрочем, какая уж это беда, перевернулся на байдарке, утопил весь хлеб, едва не захлебнулся, барахтаясь в воде? Неприятность – не более. Но Маша смеялась вместе со всеми, – пожалуй, еще заливистее всех.

Хотя ничего зазорного не было, на этой быстрой желтой реке видывали и не такое.

С той поры он как бы переселился с надежного материка на сотрясаемый бесконечными землетрясениями остров. Он ощущал невидимые подземные волны повсюду и в любое время дня и ночи. Вот и в тот день, на реке, когда Маша заливисто рассмеялась над его катастрофой, Бочарова словно потрянул подземный толчок.

Как она смеялась!

А потом навалилось.

Проспал свою очередь дежурства у костра, и друзья не стали его будить, как бы утверждая его право на слабость, а он такого права не имел. Или думал, что не имеет.

Это сегодня он знает, что такое право есть у каждого, и не воспользоваться им ни разу не удастся никому. А тогда он этого не знал, боялся выказать свою слабость и выказывал ее на каждом шагу.

Тогда он проснулся в четыре утра, вместо двух часов ночи. Костер прогорел, малиново светились тлеющие угли, ранняя заря разгоралась над рекой. Он бросился спасать костер, подбросил в него сухих сучьев и не сразу понял, что к потрескиванию сучьев в костре примешиваются и другие звуки. Они доносились из палатки Маши. Он приподнял полог палатки: голая Маша лежала на голом же физруке Эдике, обхватив его ногами, и неистово целовала в губы, со стонами, причмокиваниями, кажется, даже с присвистом.

Физрук, увидев Бочарова, округлил глаза и попробовал вырваться из объятий, но Маша только махнула рукой на Бочарова, дескать, отвали, моя черешня!

Она развелась с Бочаровым еще год назад, свободная женщина, но они продолжали жить под одной крышей, а куда ему деваться? Квартира, эта тесная «двушка», досталась Маше от бабушки, и Маша уже намекала, что сможет выставить Бочарова на улицу за пятнадцать минут, и будет он, дескать, валяться по канавам и жить на крыше, где, в общем-то, ему самое место. Но иногда, когда тоска наваливалась, или замолкал надолго телефон, или на работе не ладилось, она в одном халатике приходила вечером в маленькую комнату, где Бочаров обитал, притягивала бывшего мужа к себе и, учащенно дыша, говорила:

– Это гигиеническая разрядка, ничего больше. Снимай штаны.

Но случалось, когда она с утра предупреждала его:

– Бочаров, погуляй, если тебе не трудно, сегодня вечером... Часиков до десяти – одиннадцати, будь другом?

В такие дни он никак не мог быть ее другом, но приходил домой не раньше полуночи, и только раз он столкнулся в дверях с припозднившимся гостем. Фуражка с высокой тульей, орденская планка, на погонах большие звезды – Генерал.

Бочаров провел всю свою припорошенную ржавчиной юность на городских крышах, на чердаках и подлоках – в тех местах, где помимо Бочарова обитало множество народа – от знаменитого художника Мальгина до наемного киллера Фиолетового, а также люди пятьдесят третьего года, не поверившие в смерть Вождя; писатели, считающие себя гонимыми (в том числе и прозаик Иванов, хотя тот только изредка появлялся на крышах, в основном когда непереносимой становилась тирания жены его – Дарьи Прокловны); изобретатели, среди которых один со странным именем Перламутр Первый уверял, что он был императором где-то на звездах – на всякий случай, ему верили – мало ли что?

Словом, Бочаров никогда не имел своего угла, как все, подхватившие этот заразный, почти неизлечимый недуг – бездомье. Правда, в детстве он вместе со своей матушкой – тетей Марусей – жил некоторое время в подземной комнате без окон; в этом побеленном подвале милостиво разрешила им поселиться директриса областной типографии, где и находилась комната. В помещении этом все время сиял электрический огонь, двухсотваттные лампочки уничтожили в подземелье

все тени, и казалось, что ты попал в двухмерный мир. Время от времени Бочаров прятался на чердаке от выжигающего света подвала, на чердаке он хранил свою приличную вполне библиотеку, которую составил из книг, списанных в городских библиотеках. Библиотеки, по мнению Бочарова, охотно списывали старые книги, а все чаще – и совершенно новые, чем-нибудь не угодившие властям. Плохо себя зарекомендовали поэзия, критика, подкачала и проза, но хуже всех оказались мемуаристы – люди, пережившие литературных соперников и бросившиеся вспоминать, как один был охоч до баб, другой любил сладкое и обжирался ночами под одеялом сливочным шоколадом, а та была до того безнравственна, что свои пышущие страстью романы писала совершенно голой. А тот проиграл свой дом в карты, а потом и дом жены, а потом уж и саму жену. А этот на всех стучал, сволочь этакая!

Мемуаристы сумели, наконец, доказать, что люди – говно. И лауреаты, и кавалеры, и орденоносцы, словом – все. Кумиры повержены, одинаково не читают ни классиков, ни современников.

Бочарову легко удавалось завладеть частью списанных книг, и постепенно на чердаке собралась недурная компания – и Александр Сергеевич, и другой Александр Сергеевич, а с ними и Николай Васильевич, и Федор Михайлович, и еще многие-многие другие. Народы, живущие на крышах, полюбили библиотеку Бочарова, он давал книги без всяких формуляров, читательских билетов, без книжных конференций, а просто так. Удивительно, но бочаровские книги почти не «зачитывали», не держали годами где-нибудь под пригорелой сковородкой...

Когда матушки не стало, Бочаров надолго поселился рядом со своими потрепанными сокровищами.

Бацилла бездомья так сильна, что получи ты наследство от какой-нибудь американской тетушки – миллиард пиастров (или заграничные деньги по-другому называются?), то разлетится этот миллиард за пару недель – уйдет на долги, алименты и портвейн, а ты так и останешься без крыши над дурной своей башкой.

Маша, можно сказать, сбила его для себя с крыши, как палкой сосульку. Как-то раз ее тоненькая ночная рубашка, соблазненная утренним ветром, была сорвана этим ветром с бельевой веревки и унесена куда-то на ржавые пространства. Маша не очень дорожила рубашкой, потому что, скажу по секрету, спала совершенно обнаженной, – она часто и по квартире ходила нагой, нимало не смущаясь бывшего мужа, – но все-таки захотела рубашку вернуть с крыши, потому что, объясняя она потом Бочарову, это был подарок Генерала – он привез рубашку из самого Парижа, куда ездил (вместе с женой своей Агнетой Карловной, светской львицей, записной красавицей, фотомodelью, киноактрисой) на международную военную конференцию, на которой говорили о мире, разоружении и сокращении войск в Европе, Антарктиде, на Фобосе и Деймосе – повсюду, но пока договориться не получалось, численность войск росла, увеличивалось количество танков на душу населения: дотошные журналисты подсчитали, что на одного среднего европейца приходится по четверти танка, двум третям сверхзвукового истребителя, а русские умудрились сконцентрировать на своей территории столько атомных бомб, что на человека выходило по полторы бомбы и по полторы же ракеты, и все русского медведя побаивались, и по утрам с трибуны ругали, а по вечерам набивались к нему на водку и икру.

Генерал, говорили, был весьма башковит – и в тактике, и в стратегии ему не было равных, он, несомненно, был крупным полководцем, гениальным изобретателем многих строевых приемов, ревнителем строевого шага. И вместе с тем Генерал был известен в войсках как философ, автор доброй дюжины книг. Среди этих творений были и совершенно ошеломительные – две тонюсеньких книжечки стихов – о птичках, ромашках, ручейках. Он издал стихи под псевдонимом «Генералов», но все знали, что это он.

Но все-таки сердце его было отдано армии, хлопотам, направленным на то, чтобы коварный враг не застал нас врасплох. Это Генералу принадлежит разработка положения об оптимизации продовольственного пайка. Сытый солдат, доказал Генерал, постепенно утрачивает боеспособность, он больше печется о собственной безопасности, становится менее решительным и излишне лояльным к населению оккупированных территорий. Чтобы избежать этого, Генерал предложил уменьшить выдачу хлеба солдатам наполовину, исключить полностью из солдатского рациона сливочное масло, сахар, отказаться от закупок значительного количества мяса и рыбы. Голодный солдат подтянут, не знает пощады к врагу. Да и экономия выходит значительная.

Но в женской моде Генерал не понимал ничего, поэтому поручил купить парижский подарок для Маши Агнете Карловне, так что подарок этот был как бы двойным, и Маша пока не выбрасывала его в мусоропровод.

Когда ветер унес рубашку на крышу, Маша обнаружила, что с этой крыши на нее смотрит довольно странный человек. Хотя объяснить, что же в нем было странного, она вряд ли смогла бы. На нем было длинное пальто с барашковым воротником, с множеством огромных карманов, но разве он один носит в июле зимнее пальто? Карманы забиты книгами, но разве на свете он остался один, кто не расстается с книгами? Сидит на крыше, но мало ли людей забираются на крыши – натянуть ли антенну для своего детекторного радиоприемника, полюбоваться ли панорамой города, над которым как бы парит громада Карева-дома? А может, он из беспокойного племени ученых, которые изучают все на свете, в том числе и крыши, ничего не беря на веру?

Тогда она обратилась к нему:

– Молодой человек (Бочарову было тогда за сорок)! Простите заранее за нескромную просьбу. Дело в том, что ветром унесена на крышу одна моя вещица, не могли бы вы сбросить ее мне?

– Что за вещица? – поинтересовался житель крыш, но слукавил: он давно разглядел невесомую одежду, если можно назвать одеждой прозрачную навывлет тряпочку, причем ее прозрачность усиливалась в тех местах, которые еще недавно было принято прикрывать. Бочаров представил, как Маша выглядит в этой рубашке, и сказал: – Можете ли вы, хотя бы в двух словах, описать вашу пропажу? Не вы одна ищите здесь утраченное.

Маша засмеялась:

– Что, у вас на крыше бюро находок?

– Скорее, бюро пропаж, потому что здесь нередко теряются или теряют все, ведь мы на высоте пяти метров, а под нами каменный тротуар. Как-то сюда забрался городской голова – за упрочением репутации, так на него напали дикие голуби, в минуту его строгий костюм был навсегда испорчен; голова бежал, и рассыпалась трусливо, атакованная воробьями, многочисленная охрана головы.

И с тех пор никто не видел городского начальника – он пропал, исчез, испарился. Объявляли в мировой поиск – не нашли, искали по интернету – только деньги перевели. Но гордый народ крыш знает точно, что голова никуда не делся – не убежал, как его предшественник, в Мексику, не погиб под фикалийным обстрелом, а просто сбился с пути, вместе со всей охраной заблудился в чаще печных труб, лабиринтах чердаков, – не отпустила их крыша; они осели, обзавелись хозяйством, женились на местных девушках, с ужасом вспоминают, чем им приходилось заниматься в прошлой, низменной жизни...

О всяких таких случаях Бочаров мог бы рассказывать Маше и не один, и не два часа, но она спешила в специальный салон, где усиливали женскую красоту, и она сказала ему:

– В каком опасном месте вы находитесь! Я и не знала, что крыши обитаемы...

Откуда ей знать это, если ее надменный взгляд выше самых высоких крыш?

– Так вы поможете мне? – спросила она и заговорщицки улыбнулась.

Он понравился ей.

– Сделаю все, что могу, – включился он в эту игру, – но потребуется специальное оборудование, поскольку ваша рубашка зацепилась за самую высокую телеантенну.

И на самом деле прозрачный силуэт Маши трепетал едва не под облаками.

– Я не останусь в долгу, – пообещала она, и нельзя было не поверить тому, что она отблагодарит щедро.

Мы все в те годы изнемогали от любви. Одна она и была разрешена. Все советские времена мы пели о ней на фоне индустриализации, снимали разбитые сердца в коровниках, романам давали названия «Сталь и шлак», «Цемент», «Поджигатели»...

– Хочу просить вас принести рубашку вечером в квартиру номер пять этого дома, а сейчас я очень спешу...

– Этого дома? – изумленно переспросил Бочаров.

Он как раз и обитал на крыше этого дома, а зимой спасался от холода здесь на чердаке. Почему же он до этого не видел ее ни разу? Он бы не забыл ее.

– Вы недавно здесь живете? – решил спросить он.

– С самого рождения...

Вечером, завернув кружевное летающее чудо в кусок оберточной бумаги, он постучал в дверь квартиры номер пять. Он ожидал увидеть что угодно, только не это: она встретила его облаченная в строгое черное платье; на плечи был брошен белый кружевной платок; на ногах – строгие туфли. Ну вылитая учительница химии в девятом «бе» классе хулиганской школы номер пять, где некогда Бочаров ни фиги не понимал, что за фрукт такой «катангенс», что за тетка такая «валентность».

В прекрасных глазах Маши стояли слезы, она выглядела подавленной, потерянной.

– Что случилось? – встревожился Бочаров. – Вас кто-то обидел?

– Как вам сказать? – молвила красавица. – Мы все живем в эпоху после Великих Катастроф... Поводов горевать больше чем достаточно...

– Понимаю! – закивал Бочаров. – Вулканы, цунами, глобальное потепление, солнечная активность, астероидная опасность...

– Это катастрофы, – улыбнулась она печально. – Страшилки на фоне истинных крушений...

– Не понимаю вас, – сказал Бочаров, – вы называете «страшилками» астероиды, которые за секунду могут превратить Землю в сгусток газа?.. Потепление, в результате которого будут затоплены целые континенты, для вас мелочь?

– Надеюсь все-таки, что споры человеческие прорастут во вселенной, и человечество будет возрождаться после каждой космической или иной аварии – сказала Маша. – Я же говорю о других крушениях, сейчас как будто не очень заметных...

Бочаров не понимал, куда она клонит.

– Вы имеете в виду угрозу атомной войны? – спросил он, а про себя подумал: «Однако, девушка с претензиями, но хороша...»

И он, еще не разобравшись в катастрофах, которые так потрясают Машу, полюбил ее.

– Да нет же, – сказала она, – речь не о войне...

– Интересно, – сказал он, глядя на нее влюбленными глазами, – что же может быть страшнее войны?

– Если вам действительно интересно, спаситель моей, извините, ночнушки, то заходите в дом, это тема не для разговора на пороге, – улыбнулась она.

Он потом узнал, что слезы у нее высыхают так же быстро, как и появляются.

Так первый раз он попал в ее дом.

Она взяла из его рук серый кулек, вытряхнула из него на стоявшее рядом кресло рубашку, и та уютно свернулась калачиком, и Бочаров с трудом отвел глаза от этого кресла.

Она перехватила его взгляд, слегка покраснела:

– Простите меня за этот невольный стриптиз... Я не хотела вас смутить.

– Да ничего, не стоит извиняться, это же случайно вышло, – пустился он в нелепые утешения.

Она остановила его, дотронувшись до его руки:

– Проходите в гостиную, сейчас кофе будем пить. Давайте ваше пальто, какое тяжелое!

Сняв пальто, он оказался в длиннополном пиджаке, на протертых рукавах которого красовались две разноцветных заплатки. Многочисленные карманы были набиты, конечно же, книгами.

Машу не особенно поразил наряд Бочарова, чудачки ей попадались в жизни, и она знала, что это не самый скверный народ. Но тесных знакомств она с ними не заводила. До сих пор.

Она провела обитателя крыши в гостиную:

– Располагайтесь!

И ушла на кухню греметь чашками, ложками.

Все в ее доме говорило о том, в каком веке живет хозяйка квартиры. Мебель из дуба, на заказ, за зеркальными стеклами поблескивает дорогой фарфор, фамильный... Огромный телевизор, в вазе букет роз... На стеллажах книги на английском, французском языках, немного на русском, самые умные. На журнальном столике – красавицы, духи-одеколоны, автомобили без крыш... Бочаров взял в руки один журнал: на первой странице тонконогая прелестница рассказывала о том, как косметический хирург пришел ей новые груди, и ее сексуальная жизнь поднялась

на недостижимую прежде высоту. Бочаров испугался, что Маша сейчас войдет в комнату и увидит, что его заинтересовало (что она подумает про него?), и она тотчас вошла с кофейным подносом, увидела журнал в руках гостя, улыбнулась загадочно (И почему все женщины, которых он любил когда-то, перед тем, как лечь с ним в постель, загадочно улыбались? Может, они располагали высшим знанием наслаждения, но оно было под запретом?) и сказала:

– Да, да, эротика, секс заняли места передовиц, теперь рассказ о достижении множественного оргазма печатается на первой странице, а хроника партийной жизни где-нибудь на шестьдесят четвертой, если вообще для нее найдется место... Как вы считаете?..

И, не дождавшись его ответа, сказала:

– Один мой знакомый Генерал считает, что волна эротизма, секса без обязательств, захлестнувшая мир, – это не совсем осознанный ответ человечества, живущего под постоянной угрозой уничтожения: живи и люби, как в последний час мира... Вот поэтому даже в обводах современных небоскребов, в очертаниях огромных машин, даже атомных подводных лодок, нам мнятся фаллические символы.

Бочаров промямлил, что вообще-то он не против секса.

Маша звонко расхохоталась. И где ее катастрофы?

– Твой ответ (давай сразу на «ты» – без церемоний?) звучит как обещание, – сказала она, – но вообще-то я спрашивала о некоторых особенностях современной журналистики.

Бочаров смешался еще больше, сказал, что и против журналистики он ничего не имеет против. Он соврал, неизвестно зачем, потому что терпеть не мог продажную журналистику, а с другой ему не приходилось встречаться.

– Я с тобой готова спорить, лично мне журналисты не нравятся, – сказала Маша. – Выведывают чужое и превращают его в общее... Прямо эксгибиционизм какой-то...

Этого затейливого словца он не знал, и Маша терпеливо объяснила Бочарову его значение.

– Согласен с тобой! – сдался он. – Журналисты – гады! Но не все...

Он вспомнил одну девчушку с телевидения, которой нужна была книга Иванова про Пушкина, но что ей делать с Пушкиным, если у девчушки есть караока, а в ней пятнадцать тыщ песен – караока эта сама играет, сама слова подсказывает, сама аплодирует? Но на телевидении решили снять и показать несколько передач под общим названием «Забятая старина», и, конечно же, в городской библиотеке не смогли подобрать необходимых бумажных книг, чтобы напомнить телезрителям, как они выглядели во времена Пушкина, да и саму библиотеку едва нашли, спасибо уборщице тете Зине, которая вспомнила, что видела библиотеку на втором этаже овощного магазина, – там ее и обнаружили, но что она могла предложить, если у каждого, кто помнил, как читать книги (теперь говорили «юзать книги»), была гетеродинная флеш-карта, на которой размещена вся разрешенная мировая литература – до единой запятой, даже записки писателей в кассу взаимопомощи, даже их доносы друг на друга. Эту флешку можно было купить в любой табачной лавке, ее давали на сдачи в пивных ларьках. Но во времена Пушкина электрических книг как будто не было, или были? И тогда девчушке кто-то посоветовал обратиться к Бочарову, и она обратилась.

Она сразу ему понравилась, хотя почему-то Пушкина называла Львом Николаевичем и считала, что «Демон» написан Стивеном Кингом. Но она была любознательна и на самом деле интересовалась литературой, читала Эдуарда Багрицкого: «От черного хлеба и верной жены мы немочью бледной заражены...»

Он решил показать ей свои сокровища. Она поднялась на крышу, прошла по ржавым пространствам, пораженная остановилась у целой стены книг.

– Их можно трогать? – спросила она и взяла в руки увесистый том – «На ножах». – У нас в доме тоже были бумажные книги – две или даже три. Отец ими очень дорожил и с риском для себя и своих близких хранил их даже после выхода известного постановления об ограничении использования бумаги в книгоиздании, о запрете хождения и распространения социально-пустых, враждебных народу книг. Отец говорил, что книги нужно держать в руках, листать, читать-перечитывать, любоваться ими, как произведениями искусства... Можно симфонию исполнить и на балалайках, даже на ложках, но это будет только подобием симфонического оркестра...

Бочаров спросил, кто ее отец. Она ответила, что он как раз дирижер большого симфонического оркестра.

Бочаров оробел: дирижер, по его разумению, был наподобие генерала, он считался только с первой скрипкой и, должно быть, имел право казнить нерадивых музыкантов, а заодно кое-кого из зрителей, засыпающих уже на увертюре.

– Ты прикольный! – сказала девчушка и полезла целоваться. – Чувствую, что у тебя давно никого не было, – сказала она, прижимаясь к нему.

– Да, давно, – ответил он. – Всю жизнь.

– Бедный ты мой! Так ты девственник? А сколько тебе, сорок два? Ничего, мы сейчас исправим эту оплошность!..

– Это, скажем так, побочный результат моей твердой позиции... Никакая это не оплошность, – бросился он в объяснения.

– Чувствую ее твердость, – прошептала она.

Бочаров пытался все-таки рассказать ей, что он сторонник общественного движения, девизом которого стала крылатая строчка «Ни одного поцелуя без любви!». Он же не виноват, что ему пока не встретилась настоящая любовь.

– Мы же не животные, – убеждал он ее, – мы должны не спариваться, а любить...

– Вот и люби меня, – сказала она, и он не устоял.

Телевизионная девчушка потом приходила раза два-три, точнее – два, пыталась вытащить его то на выставку Вафеева, то в кино, но он не собрался, оказалось, что у него все носки с дырками, да и костюма приличного (без заплаток) не было, и девчушка перестала заходить. Он часто вспоминал ее с нежностью, но даже не пытался ей позвонить, да у него и телефона не было.

Это был почти весь его любовный опыт. И когда Маша впустила его в свою квартиру номер пять, он понял, что готов полюбить ее со всем неистовством сорокалетнего холостяка, и даже неистовей. Она заметила эту его готовность, но не торопила события. Все-таки диковинный его наряд, волосы, припорошенные ржавчиной (то ли рыжий, то ли ржавый), карманы, набитые книгами, неважно сочетались с китайским фарфором, шторами с золотой ниткой, всем тем, о чем мы уже говорили.

А еще в ее гостиной на стене висела репродукция с картины, на которой было изображено чудовищное сооружение, такое только в кошмарном сне может при-видеться. Огромное здание притягивало взгляд, как все ужасное.

Маша не стала дожидаться его вопросов, сказала:

– Вот именно со строительства этой башни началась эпоха катастроф. Люди уверовали, что всемирный потоп – слишком большая плата за их невинные в общем-то прегрешения. А главное – в них поселилась сумасшедшая надежда что Господь обязательно помилует, как помиловал Ноя. И принялись они строить один дом на всех – дом до небес, чтобы все стали соседями, чтобы говорили на одном языке... чтобы все понимали друг друга...

Она продолжила:

– Страшно разгневались на небесах за столь предерзостные устремления человека...

– Я вспомнил! – закричал Бочаров. – Я читал эту книгу, только первые страницы у нее отсутствовали... Потом эту башню разрушили до основания... «И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так, чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город...»

– Но катастрофа не в том, что Вавилон перестали строить, что смешаны языки, – сказала Маша. – С тех пор мы языки подучили, выстроили такие башни, что головы опять закружились, дескать мы – все можем, нам все по плечу: «Сто этажей?» – «Пожалуйста!» – «Сто пятьдесят?» – «Да хоть двести!» – «Выкопать шахту глубиной десять километров?» – «Выкопаем глубже!» Катастрофа в том, что люди как перестали с библейских времен понимать друг друга, так по сию пору и не научились этого делать!

– Я знаком с художником Малыгиным, – сказал Бочаров, – у него есть картина на этот сюжет...

– Я тоже знакома с этим авангардистом. Он сейчас очень популярен. Не так давно – недели две назад – я была у него в мастерской, – сказала Маша. – Ведь «Вавилонский переполох» он написал по моему заказу. Картина сейчас находится у меня – в соседней комнате. Хочешь ее увидеть?

– Да, – коротко сказал он.

Соседняя комната была спальней, с огромной кроватью, похожей на бастион. На стене действительно висел «Вавилонский переполох». Малыгин изобразил на небольшом полотне множество народа: народ этот клубился вокруг башни, похожей на пожарную каланчу, да это и была каланча – за ней виднелась пожарная машина, и всюду тянуло гарью, пламя вот-вот и рванет, но никто не встревожен, кроме женщины, которая кричит что-то на ухо празднично одетому – в плисовые штаны, косоворотку и фетровые валенки – городскому чиновнику (и почему на этой картине, если ты начальник, то обязательно тебе и фетр, и яйца в мешочек, и много другого ценного?), а чиновник явно не понимает, какая опасность грозит всем, он запустил руку в мешок с казной, где хранятся и денежки на новые брендспойты, брезентовые негорючие куртки и сияющие медью шлемы. Наверное, можно тушить пожары и без новых шлемов, справиться с огнем, навалившись всем миром, но нет согласия в этих мужчинах и женщинах, даже лохматый пес на по-

лотне безмятежно спит в двух шагах от разгорающегося пламени. А вот, смахивая пот со лба, строит дом для себя и своих детей человек, не замечающий, что огонь уже лижет только что поставленные стены. А другой самозабвенно колотит по струнам расстроенной гитары, не слыша собственной музыки. А третий – выступает перед публикой с лекцией, наверное, «Есть ли жизнь в Америке?». Его никто не слушает. Пятый взасос целует женщину, которая в это время вяжет шерстяной свитер мужу, который находится в длительной командировке, должно быть, в глубоком вражеском тылу. Двадцатый равнодушно стирает порты. Сотый какую уж неделю подряд жрет целебный напиток «Талас» типа портвейн, пропил дом, велосипед с моторчиком, сундук, битком набитый какими-то старинными письмами; сотый заглянул как-то раз под крышку – сверху лежало письмо, перевязанное голубой лентой. Он открыл письмо без колебаний – любому секрету прошел срок давности. Он посмотрел: пожелтевшее письмо датировано сентябрем 1833 года. Он пробежал глазами первые строчки: «Здравствуй, душа моя, Наталья Николаевна!.. Яицкие казаки ни в какую не хотели меня отпускать, такой душевный народ. А какие расчудесные песни они поют, а какие у них девушки – красавицы. Я на твоём месте ревновал бы меня, жонка...» – в общем, ничего интересного, но тот чудик, который купил сундук с этими письмами, от радости аж затрясся!

– Больше тысячи персонажей изображены на картине, – сказала Маша. – Я просила Малыгина, чтобы их было не менее тысячи и один, но художник постарался и разместил на полотне одну тысячу девятьсот сорок пять персонажей – и всем им наплевать друг на друга с высокой колокольни; так безразличны они даже к самим себе, а уж чего говорить о посторонних?

И в эту самую минуту Бочаров вдруг понял, что изо всех этих посторонних он, живущий на крыше, самый посторонний, и никакого ему дела нет до начальников в плисовых штанах, до сладко спящих брандмейстеров, до художников, изводящих груды красок, изображая глухих, немых, незрячих, которые лучше всех слышат (уж доведут до кого нужно, можете не беспокоиться), из берданки за сто шагов белке в глаз попадают, а говорить они – вылитые цистероны.

– Тесно на этой картине, – сказал Бочаров. – А почему тебе захотелось иметь такую странную картину? Малыгин написал сотни аппетитнейших натюрмортов, тысячи пейзажей, которые выглядят лучше оригиналов, а тебе подавай мир в миккатастрофы?

Она на минуту задумалась, как бы решая про себя: открывать ему эту тайну, или еще повременить?

Решила еще предложить кофе, сказала:

– Кофе обостряет чувства... Ты любишь кофе?

– У нас на крыше некоторые предпочитают чифир...

– Да, мне приходилось слышать об этом бодрящем напитке. Ты можешь его приготовить для меня...

Бочаров замахал руками:

– Сам не пью, и другим помогать в этом деле не стану. Чифир отрицательно действует на сердце...

Она усмехнулась:

– На сердце действует все...

В общем, Бочаров приготовил отраву, в тот раз уступил Маше. Она сделала крошечный глоток, прислушалась к своим ощущениям.

– К-р-р-р-е-п-п-к-о! – сказала она и сделала еще глоток, и еще, и еще... – Какая удивительно ясная сделалась у меня голова, – изумленно проговорила она. – Пожалуй, впредь я не стану пить этот напиток, это какую силу воли нужно иметь, чтобы все время жить с ясной головой? И видеть предметы такими, какие они на самом деле есть? Это невыносимо. Правильно говорят, что чифир разрушает сознание. А ведь мы привыкли, чтобы легкий флер бессознательного, я сказала бы даже – неосознаваемого, окутывал нас всегда...

– Понимаю, – выказал знание предмета Бочаров, – эго, суперэго... У тебя по философии тройка была?

– Четверка, – ответила она и поморщилась, вспомнив неистребимый запах чеснока, который исходил от институтского профессора-философа, когда он в своей квартире принимал зачет у симпатичной второкурсницы. Сволочь! Он дважды отсылал ее на передачу, пока она не поняла, что сознательное – продукт неосознаваемого и только малая часть его. «Сволочь!» – еще раз вспомнила похотливого профессора Маша, его руки с обкусанными ногтями.

– Ты любишь философию? – спросил Бочаров у Маши. – Предполагаю, что не очень.

– Не очень, не очень! – быстро откликнулась она. – Я люблю май, тюльпаны, рассвет над рекой, чашку крепкого казахского чая...

– ...Мелодии Уотерса, стихи Мандельштама? – предположил он, но она замотала головой:

– Стихи Пушкина...

Он почтительно умолк, он знал, что если собрались двое, то обязательно любят Пушкина, даже если каждый по отдельности упивается Северяниным или Софьей Парнок.

– А теорию катастроф развил в своей книге «Катарсис на пороге» замечательный человек – Генерал... Он – ученый-историк, он же незаурядный полководец – многогранная личность, – сказала Маша. – Генерал – сторонник гипотезы, предложенной им же, о бесконечности возобновлений Вселенной. Он считает, что каждая цивилизация, планета, галактика, а в итоге весь мир обязательно – рано или поздно – погрузится в пучину катастроф и исчезнет. Но он обязательно возродится, причем на той же ступени, на том же месте своего развития, на котором застала катастрофа. И будут в этом новом-старом мире наша золотая река, наш неповторимый город, улицы Большая Михайловская, Буянная... И будет на Буянной жить девочка Таня, которая однажды напишет «...а главное – останется река, на берегах которой молвлю: «Дома!...» И будем в этом городе мы – другие, но чудесным образом все те же... И этот мир тоже пропадет в пучине неверного времени, чтобы опять возродиться – с тобой, мною, всеми нами...

Но вернуться в мир не все, а только те, кто хоть изредка смотрел на небо... Впрочем, в последней своей работе «Лирика потрясений» Генерал поправляет себя: возможность прожить бесконечное число раз есть у каждого. Но все-таки в критический миг цивилизации лучше всем держаться вместе, рядышком...

– Ну вот, – сказала она, – мы уже так много узнали друг о друге...

Маша взяла его за руку и потянула за собой – к кровати. Он не стал сопротивляться. Даже наоборот.

– Подожди минуту... Самое время накинуть мою спасенную рубашку...

Она вышла из спальни, и Бочаров остался наедине с гибнущим Вавилоном. Он и сам понимал, что пропал на веки вечные, не место живущим на подложках возле красавиц, разбирающихся в философии, и не сегодня – завтра ему предложат выбрать – или ржавая крыша, или двуспальная кровать, похожая на крепость, – без всяких компромиссов. Но пока у него есть время, немного, но есть.

Ему бы повернуть назад, просочиться сквозь двери, рвануть на родную крышу, забыть эту прозрачную рубашку, но было уже поздно – коготочек застрял.

Маша неслышно возникла у страшной картины, в одной руке у нее была бутылка вина, в другой – подсвечник, крошечное пламя свечи трепетало на жутком малыгинском полотне.

Но у Бочарова перехватило дыхание не от правдивой картины, а от самой обманной на свете: полуобнаженное женское тело, легкий прозрачный шелк, струящийся по ногте, мечтающей стать полной, таинственное мерцание глаз, обещающее невиданное наслаждение – и сам Бочаров понимал, что для него это – чаша с ядом, но желанная. И он шагнул навстречу Маше.

Она успела подумать: «Какие у него, оказывается, нежные руки!..» – и все закружилось, и не только в головах у любовников; в какую-то минуту ему показалось, что произошло даже небольшое землетрясение. (Он потом у знакомых на сейсмостанции узнал, что в это время были, действительно, зарегистрированы подземные толчки, впервые за время наблюдений в нашей степной местности. Ученые до сих пор ломают головы над природой этих толчков.)

– Согласитесь, что в катастрофах, даже в предчувствии катаклизмов, есть нечто возбуждающее, сексуальное? – оседлала она своего любимого конька, сладко потянувшись. И добавила: – Высокая эротика катастроф ко многому обязывает..

Они очнулись через три дня. Маша приготовила яишню из дюжины яиц, кажется, это было единственным блюдом, с которым она умела справляться. Хлеба в доме не было, как и сахара, как и всего остального, так что пришлось яичницу запивать горьким кофе. А вина, дорогого, кажется, испанского, запасы были велики. Он тогда не знал еще, что испанское вино любит Генерал.

Если Бочаров не ошибается, именно в то утро, когда он давился яичницей с кофе, она впервые сказала ему:

– Сейчас доверю тебе самое заветное свое желание – мечту мою, тайну мою... Хочу построить свою Вавилонскую башню...

– Всего-то? – заметил Бочаров, не разобравшись в ситуации.

– Это не шутка! – закричала она, и по ее интонации он понял, что это не шутка.

– Не собираюсь бросать вызов Господу, – продолжила она, осенив себя крестным знаменем, – но полагаю, что люди, объединившись для такого грандиозного строительства, стали бы хоть чуть-чуть понимать друг друга, что позволило бы нам не быть застигнутыми катастрофами внезапно...

Бочаров подумал с легкой тоской, что, действительно, плохи наши дела, если женщинам уже не хватает разговоров о мужиках, и они подумывают о возведении нового Вавилона.

Маша с горячностью продолжала, и была прекрасна, как крановщица на одном из ранних полотен Малыгина:

– Чувствую, как тебя жжет вопрос о гигантских небоскребах, поднявшихся своими шпилями почти до километровой высоты. Ну, во-первых, строили их не всем миром, не тщились добраться таким образом до неба, само понятие «небо»

в наше время и в библейские времена различаются; прежде забрался на колокольню – ты уже почти на небе, нынче с тысячекилометровой орбиты мы орем в микрофон, что надо бы поднять орбиту, иначе скоро днищем корабля за печные трубы будем задевать, так что нечего было смешивать и рассеивать, а во-вторых, мы можем только догадываться, как поступит Создатель с этими башнями.

Она на минуту прервалась, чтобы набросить халатик; ее нагота притягивала, как человеческим магнитом; глядя на эти груди, живот, совсем не хотелось говорить о башнях и катастрофах.

К началу следующего дня он прочно забыл об этих разговорах в промежутке между объятьями, но Маша напомнила ему:

– У меня на сберегательной книжке есть некая сумма, которую я хочу вложить в будущее строительство. Конечно, понадобится много больше, но ведь даже если все скинемся по полтине – в нашем распоряжении будут миллионы... Они понадобятся, в основном, на подкуп чиновников... Скажу тебе по секрету, я уже присмотрела мировое место! – продолжила она почти восторженно.

Бочаров, чистая книжная душа, бросился в свою библиотеку: помоги хоть ты, пятидесятый том Большой советской энциклопедии – не ловкий ли это розыгрыш, не жестокая ли шутка скупающей красавицы, но нужные страницы были, конечно же, вырваны (а что он искал?) – и он, смятенный, уселся на заднее сидение такси, на котором Маша повезла его на «мировое место», которое она «присмотрела» для будущего строительства. Ехали долго, и таксист все время ворчал, что в такие места по своей воле нормальный человек не поедет, но нормальных людей все меньше и меньше.

Пока ехали, Бочаров все-таки вставил пару слов в восторженный спич Маши.

Он сказал:

– Если я понимаю, ты собираешься добиться большего взаимопонимания между людьми? Тебя удручает трагическая разобщенность человечества?.. Но почему ты думаешь, что для этого обязательно нужно строить огромную башню? Ты уверена, что после десятого замеса бетона все строители примутся брататься, а не проклинать все на свете, особенно их мизерную зарплату, ведь вы предполагаете, что зарплата будет именно мизерная?

Маша нервно ответила:

– Как только люди поймут величие задачи, они станут работать без всякой зарплаты... Иначе им нечего даже думать о грядущем возрождении вселенной.

Бочаров хотел сказать, что голод еще никого не сплотил, кроме разбойников, всяких дубровских, робин-гудов, которые шляются ночами за околицей, всегда готовые вспугнуть хрупкое вдохновение творческой интеллигенции, которая по ночам же зависает над пишущими машинками, создавая культурный гумус, но в это время хмурый таксист возвестил:

– Приехали! В самую клоаку! Выходите прямо в ад, – и он открыл дверь.

Бочаров вышел, огляделся, но ничего рассмотреть не смог: огромные клубы пара и дыма, бывшие из-под земли, как в долине гейзеров, заволакивали всю округу. Где-то совсем рядом ревели моторы, надсадно орали чайки и еще какие-то неведомые птицы. Бил в ноздри ужасающий запах общественного сортира. Бочаров присмотрелся: в клубах дыма время от времени мелькали человеческие фигуры, слышалась речь, в ней преобладала ненормативная лексика.

– Что это за свалка? – недоуменно спросил Бочаров.

Маша усмехнулась:

– Да, это центральная городская свалка, она же самая старая... Ее столетний холм возвышается над всем городом. Со дня на день ее закроют, и будь уверен, сюда больше никто не сунется на протяжении столетий, во всяком случае – никто из начальства. Но тайно привозить сюда отходы, строительный мусор будут еще долгие годы – дело в том, что новая свалка почти в пятидесяти километрах от города. Так что остается только направлять этот процесс; водители охотно повезут сюда всякий железобетонный брак, разбитые конструкции, тем более, если за это можно получить живую водку...

– Башня на мусоре? – спросил Бочаров.

– Башня из мусора...

Внезапно из дыма материализовался человек, облаченный в брезентовые штаны, брезентовую куртку, брезентовую кепку, с респиратором на лице. Он бросился к Маше. Она даже не поморщилась от запахов водки и падали.

– Хозяйка, водки привезла? Бойцы нашего стройотряда не идут в бой трезвыми...

Из дыма за своим главнокомандующим выступили дюжины две нетрезвых мужиков.

– Водки!.. – мычали они.

– Водка есть! – порадовал подчиненных Харон.

Порыв ветра на минуту рассеял пар и дым, и Бочаров рассмотрел, наконец, где они находятся.

Пейзаж не уступал лунному; повсюду, куда доставал взгляд, высились огромные кучи разбитого бетона, всяческого промышленного хлама – изогнутые шестеренки, бракованные коленчатые валы, ржавые трубы, с виду совершенно исправные телевизоры – так много здесь было всего, что Бочаров подумал: «Неужели это верно, что лучше всего у нас получается брак?»

– Водки я вам привезла, – сказала Маша вынырнувшему из дыма, тот, в свою очередь, завел разговор о спецодежде, обуви на толстой подошве.

– Среда здесь очень агрессивная, посмотрите на подошвы моих ботинок, за две недели они словно испарились, – сказал он.

Бочаров не верил своим глазам: по сути дела, началось возведение нового Вавилона.

Маша подтвердила это:

– С Хароном (ну и имечко, а может, это прозвище? Тогда еще страшнее.) я давно договорилась за поллитровку в неделю, чтобы он направлял строительный мусор по моему плану.

– Водилам без разницы, куда вываливать, – сказал Харон, – лишь бы скорее, да менты чтобы не засекли.

– Но ведь рано или поздно следы этой деятельности будут замечены, что тогда? – спросил Бочаров. – Тут территория едва ли не в тысячу гектаров, а может, и больше... Не может она оставаться бесхозной?..

Маша засмеялась:

– Святая простота!.. Веками стоят заброшенные земли, и никто не знает, кто их хозяин. Я не удивлюсь, если узнаю, что существует какое-нибудь заброшенное царство...

– Ты более отчаянная, чем мой знакомый писатель Иванов, который много дней жил добровольно на необитаемом острове, где ему приходилось отбиваться от полчищ людоедов, – сказал Бочаров.

– У нас, оказывается, много общих знакомых, – откликнулась Маша. – Иванов, когда я рассказала ему о своем замысле, с восторгом поддержал его. Он сказал буквально следующее: «Пора уже людям достучаться друг до друга...»

Бочаров знал, что знаменитый писатель грешил цветистыми фразами, да и на том острове вышло не очень красиво. Во-первых, остров оказался обитаемым, более того, он был не остров, а полуостров. И за уничтоженных литератором кур, принятых им за фазанов, что ли, пришлось заплатить в тройном размере.

– Также нас поддерживают члены непризнанного ОРГБОРЧУДа – борцы с чудовищами, – сказала Маша. – Они только за прошлый год отловили с пяток чудовищ, правда, небольших, с мышку, и они прижились в ОРГБОРЧУДЕ, а одно чудовище даже добровольно взялось за изучение русского языка.

– Ну что, надышались медовым воздухом? – спросил таксист. – Может, пора домой, в душевые кабины?

– Пора, – сказала Маша, и они отправились назад.

Ветер изменил направление, и стал отчетливо виден сюрреалистический пейзаж местности. Разбитое, изодранное, взорванное было здесь перемешено с ненужным, отравленным, искалеченным. Топорщилась к небу ржавая арматура, как танковые ежи, стреляли голубыми искрами и попадали в воробьев какие-то перекрученные жгуты проводов, повсюду тлело пламя, но пожаров больших почти не было, должно быть, дрянь не горела. Огромные кучи искореженного металла, бетона наводили на мысль, уж не останки ли это неведомых крепостей, погибших, но не сдавшихся на милость победителя? Буквально отовсюду здесь почему-то валил пар, как будто это место располагалось точно над преисподней... Тут продолжалась всегдашняя мировая война огня и льда за господство на целом свете. И командующий Харон, пропахший водкой и падалью, маршал без страха и упрека, вел свои пьяные легионы к новому Вавилону.

Бочаров зябко повел плечами: с юга здесь дул ледяной ветер, с севера надвигалась стена зноя. Пальто с барашковым воротником не спасало, оказывается, ни от холода, ни от жары.

Машина с трудом выбралась из беспорядочного (так казалось) нагромождения отходов, мусора. Бочаров все бился над простой задачей.

– Предположим даже, – говорил он Маше, – что удастся насыпать здесь довольно большой холм...

– Гигантский холм, – поправляла она его, – уже сейчас есть люди, влиятельные люди, которые заинтересованы в строительстве башни, а когда о нашем замысле узнают в остальном мире, отбою не будет от желающих поучаствовать в строительстве. Потоки строителей хлынут сюда со всего света, будь уверен. Авантюристов пока у нас хватает. А кто такие авантюристы? Это те люди, которые не боятся хоть что-то делать. Может, и боятся, но искусно скрывают свой страх и делают. Все остальные тоже боятся, но не решаются хоть что-то предпринять.

– А влиятельным людям зачем всеобщее братство, для чего им, чтобы все говорили на одном языке, конечно же, английском? – не отставал он.

От ревности у него заныло сердце, и он еще не знал, что уже совсем скоро ревность станет терзать и рвать его сердце на части – и днем, и ночью, и весной, и

летом. А как она будет терзать его зимой, когда Маша неделями станет пропадать в каких-то горных экспедициях, которые, по ее словам, едва ли не все попадали под лавины, и их откапывали, как мамонтов из вечной мерзлоты.

Да, а кто эти влиятельные люди? Ему почему-то представилась огромная комната, набитая мужчинами в черных костюмах и женщинами в парадных шерстяных юбках, и они беспрестанно спрашивали друг у друга: удалось ли повлиять на авангардиста Малыгина, этого бандита с мольбертом?.. А подвергся ли положительному влиянию известный интеллектуал Бочаров?

– Ну почему же ты думаешь, что английский язык станет доминировать? – не сразу ответила она Бочарову. – Может быть, по всеобщему согласию, это будет эсперанто, или суахили, или идиш?..

– Я подметил, что кругом одни англичане или американцы, – сказал Бочаров. – Возьми любого монгола, или любого якута, или нанайца, или любого выходца с Балкан, или любого жителя Земли, – и потри его хорошенько, и сквозь него проявится англичанин...

– Тебя тоже в таком случае стоит потереть? – засмеялась она. – У вас на крыше, наверное, кого только нет?

– Кого только есть! – поправил он ее. – А я – так чистый американец, и даже рок-н-ролл в молодости отплясывал в Фурмачах – городском садике имени Фурманова...

– Кстати, о крышах, – сказала она строго, – перебирайся ко мне... Может, попробуешь оседлой жизни, и она тебе понравится?

И он согласился, не испугался по утрам просыпаться под густонаселенной картиной Малыгина.

Кое-кто не удержится и в сердцах скажет: «Он предал идеалы крыш, поменял высокую (в полном смысле) свободу на шелковые простыни!..» Мы же заметим только: а могут ли существовать идеалы крыш? Философия стропил, одухотворенность чердаков?.. Или это придумки мелкотравчатых провинциальных писателей, не устающих вставлять собственные жизни в толстенные романы, – и нет на свете никаких идеалов, кроме любви?

Глава вторая ПОД БАРАБАННЫЙ БОЙ

Генерал впервые поехал с Машей на свалку, когда там уже обозначились контуры будущего грандиозного сооружения. Он долго молча стоял у огромных куч мусора, носком начищенного до блеска сапога брезгливо поддел какую-то бумаженцию, и она развернулась перед ним мятым рекламным плакатом: «Фирма строит под ключ...»

– Кругом строители! – восхитился Генерал. – Земля обустроивается... Не к войне ли?

Каждый военачальник любит говорить о мире, но все-таки ждет, когда можно скомандовать верным батальонам: «Вперед, ребяташки, патронов не жалеть!» Именно к этому готовили его в пехотном училище, а потом в Академии Генерального штаба. Генерал привык к ясным целям и достигал их, если требовалось, огнем, штыком и прикладом. Мирное время для него было только периодом для перегруппировки войск, пополнения боезапаса.

Выговорить мудреное слово «экзистенциализм» может не каждый полководец, ему близок рубленый язык команд, который хорош для истории, а разве этого мало? Да и зачем генералу, скажите на милость, этот самый «экзистенциализм» (а вот наш Генерал легко выговаривал не только «экзистенциализм», но и «андронный коллаيدر»), а что это вообще такое, разрешено ли властями? Зато на строевом плацу он казался и был златоустом.

«Тяни носок! Держи равнение! Не растягивайся! Раз, раз, раз... Раз – два – три!.. Лево!.. Разговорчики в строю!» – он свято верил, что солдат, не изучивший строевых приемов или изучивший их недостаточно, на фронте пропадет в первую очередь. То же относилось к внешнему облику бойца: солдат с неровно подшитым подворотничком не может метко стрелять и вообще готов переметнуться к неприятелю и выдать тайну гречневой каши.

– Подтянутый солдат, – повторял Генерал, – это солдат победы! Разгильдяй – он и в окопе разгильдяй!..

Из всех родов войск его любовь была отдана пехоте. Танки тоже могут двигаться строем, но танку не прикажешь стоять смирно или тем более – вольно.

Из всех наук он выделял историю и философию, даже написал несколько книг, заинтересовавших критиков. Это были науки, легко поддающиеся ранжиру.

Генерал очень любил симметрию. Как приятно зайти в расположение любой части, где двухъярусные кровати выровнены по натянутой нитке, полосы на серых солдатских одеялах составляют строгую, геометрически точную линию, даже табуретки стоят по ранжиру.

– Порядок – это когда солдат не думает, а точно выполняет приказы и команды, – не уставал повторять Генерал.

Но, конечно же, он был современным, прекрасно образованным офицером, тяга к порядку прекрасно соседствовала в нем с любовью к балету, он аплодисментами награждал дюжину фуэте, прочитал двести томов Библиотеки всемирной литературы, кое-что перечитал даже дважды, и любил щегольнуть фразой из классики.

– Все смешалось в доме Облонских, – говорил он, увидев, к примеру, что кто-то шагает не в ногу.

Вдоволь насмотревшись на то, как Харон направляет рычащие самосвалы в известные одному ему (ну и, конечно, Маше) точки разгрузки, Генерал сказал Маше: «Надеюсь, что на этом острове хаоса ты готова создать нечто, что станет опорой грядущему Бесконечному Порядку. Только после установления этого высшего Порядка возможно будет грядущее Возрождение миров. Я и предположить не мог, что мусор может стать основой дома-города, Нового Вавилона. Но если ты взялась за это дело, то верю, ты своего добьешься. Ты всегда права...»

Генерал верил, что после последней (по его подсчетам – пятой) ядерной войны на земле установится Бесконечный Порядок. Он пока не знал, как может выглядеть этот порядок, но рок-н-ролл будет запрещен. Как и Ерофеев с его «петушками»... Как и поэт Велимир Хлебников... Как и артистка... Как и еще кое-кто...

Маша обрадовалась: Генерал одобрил, а он без пяти минут военный министр; такая поддержка дорогого стоит.

Генерал любил Машу.

Она его боготворила. Он был таким милым...

Познакомились они тысячу лет назад, когда в боях за суверенитет одной северной республики он получил добрую дюжину осколков от разорвавшейся в двух шагах от него мины. Генерал, впрочем, тогда он был пехотным капитаном, не кланялся осколкам и пулям и в госпиталях был не редким гостем. Маша в тот год служила в театре, и часто ей приходилось выезжать в составе концертных бригад туда, где гремели выстрелы необъявленной войны.

В госпиталях, местных клубах, с импровизированных сцен она читала стихи о любви, не про обстрелы же читать солдатам:

Мы – два грозой зажженные ствола,
 Два пламени полуночного бора.
 Мы – два в ночи летящих метеора,
 Одной судьбы двужалая стрела!..
 Мы – две руки единого креста...

Во время одного такого концерта ей представили капитана, который с головы до ног был забинтован. Ей сказали: «Вот настоящий герой, получил ранение, но не покинул поле боя. Истекая кровью, он сражался до последнего патрона. И только, когда враг был разбит наголову, капитана унесли на носилках две молоденькие санитарки...» Она, может быть, и прошла бы мимо марлевой мумии капитана, но ее остановило это необязательное сообщение про «двух молоденьких санитарок» да еще два полыхнувших малиновым пламенем глаза.

Она остановилась рядом с раненым, взяла его за руку, сказала:

– Вы сегодня не выглядите так воинственно, как тут про вас рассказывают... Вы кажетесь таким мирным, домашним... Белым и пушистым...

Генерал, а тогда он был капитаном, не сдержался, хмыкнул: что за язык, на котором разговаривают между собой эти штатские? Сплошь муси да пуси!

Маше ничего не стоило обаять капитана, она улыбнулась навстречу пылающему взгляду, спросила невзначай: женат ли он?

– Так точно, женат! – отрапортовал он с неподдельным сожалением в голосе. Но добавил негромко, что жена совершенно не ревнива. Даже наоборот...

Она пожала плечами: какое ей дело до того, женат он или холост. И уж тем более до того, ревнива она или нет.

– Вы убедитесь в этом сами, – сказал на прощанье капитан.

Буквально на другой день он получил майорские погоны. И в этот же день военный курьер вручил Маше под роспись пригласительную карточку – прямоугольник лакированного картона, на котором среди сердечек, цветочков и кудрявых овечек нашлось место и для нескольких строк: «Киноактриса, фотомодель, эксперт по вопросам высокой моды Агнета Карловна приглашает актрису областного театра (далее шли фамилия и отчество, от которых она отвыкла: Маша, да и все) пожаловать на юбилейный (по случаю пятилетия литературного салона) прием, который состоится через три недели во Дворце высокой моды. Ожидается приезд самого Иванова, а также знаменитых поэтов – Валентины Шницель, Нины Деркульской, Ивана Бровкина и прозаиков – Бориса Исаева и Исаия Борисова. Свое присутствие на приеме подтвердил и патриарх нашей литературы – Михаил Чудинов-Бухалов, который сейчас работает над эпопеей «В поисках утраченного времени» – это творческое переосмысление знаменитого романа, где нет чопор-

ной знати – герцогов и герцогинь, а действуют наши рабочие, интеллигенция, сельские труженики».

Агнета Карловна, поняла Маша, – жена новоиспеченного майора.

Маша приняла приглашение – из любопытства, но следующие три недели посвятила подготовке: салоны красоты, спортивный зал, бассейн, портные, диета – не хотелось ударить лицом в грязь перед известной светской львицей, которой прослыла Агнета Карловна. Она была знатоком современной поэзии, тонко разбиралась в живописи; Малыгин написал ее портрет, для которого она позировала художнику обнаженной. Портрет как раз и должен быть впервые выставлен на этом приеме.

В хлопотах три недели пролетели, как один день. Маша вызвала такси и поехала.

Дворец высокой моды сиял и переливался разноцветными огнями, как новогодняя елка. У входа гремел военный оркестр. Лакированные авто каждую минуту высаживали счастливцев, удостоенных если не счастья, то чести лицезреть красавицу – жену майора – обнаженной. Сама хозяйка литературного салона, облаченная в римский хитон, встречала дорогих гостей у входа во дворец, в котором Маша без особого труда узнала бывшую швейную мастерскую для военных.

– Рада тебя видеть, дорогая! – приветствовала она Машу, как давнюю знакомую. – Я так много о тебе слышала, будь здесь, как дома... Тут все свои.

Сейчас же рядом с Машей щелкнул каблуками браваый майор, освобожденный от бинтов. От него пахло карболкой и каким-то драгоценным одеколоном.

– Осваивайтесь на этих пространствах, я вас пока оставляю, мне нужно встречать гостей – сегодня у нас весь город, – извинился он. – Но одну вас я не брошу, вот знакомьтесь, если вы только не знакомы...

Он подвел Машу к мужчине неопределенного возраста, среднего роста. Маша ни за что бы не узнала бы его, встретив на улице. Это был живой классик – Михаил Чудинов-Бухалов. У него не было никаких примет, но если даже обувь его в разноцветные ботинки – красный и желтый, то все равно никто не посмотрел бы в его сторону; даже его жена проходила мимо него, и только после того, как он окликал ее, подходила.

Между тем многие считали его яркой, запоминающейся личностью. Он тоже так считал. Уж какое поколение зачитывалось его прозой. Золотыми книгами столетия назвали его романы «Анна Кулемина», «Понедельник», «Гамлет и бедный Йорик»...

– Скажите, – спросила Маша у него, – вы случайно не знакомы с такими личностями, как Фиолетовый и Заскорузлый?

– Почему вы спросили? – подозрительно спросил классик.

– Мне почему-то показалось, что вы можете быть знакомы...

– Действительно, – сказал знаменитый писатель, – они являются моими лучшими друзьями. Но вот беда, я не виделся с ними около трех лет. Они уехали в один восточный город – и с тех пор ни слуха, ни духа от них... Может, вам что-то известно о моих товарищах?..

Маша заверила его, что знает его друзей только потому, что она живет в одном с ними доме; как-то они спустились со своих этажей во двор и долго сидели в детской песочнице – пили пиво, а вокруг питоков кружился дворник с метлой, пустые бутылки доставались ему, как трофеи....

– А почему вам сразу в голову пришло, что это мои друзья? – не отставал автор «Понедельника».

– Такая уж я умная, – беспечно ответила Маша, а про себя подумала: и чего она вцепилась в человека, нужны ей эти Заскорузлый и Фиолетовый, как прошлогодний снег.

Но, очевидно, все-таки существовала какая-то связь, магнитное поле, время от времени притягивающее всех, кто жил, живет или вскоре будет жить в доме с колоннами, известном в городе еще как офицерский дом. Должно быть, обитатели дома с колоннами только едва-едва догадывались о существовании этого таинственного поля. И, может быть, к лучшему: кто знает, что там может открыться?

Великий современник протянул Маше бокал вина. Сам он налегал на виски, и устроители приема с тревогой поглядывали на него, потому что знали: классики после сорока лет должны быть в суровой завязке. Но Михаил Ануфриевич (таким было отчество прозаика) был весел, подвижен, успевал брать рюмки сразу с двух подносов и готовился перейти на водку (русский писатель должен пить водку!).

Художник Малыгин пил исключительно сухое красное вино, хотя любил портвейн, но рассчитывать, что на таком приеме ему предложат портвейн, он не мог. Многие пили шампанское, например Валентина Шницель.

Зал был полон, гудел, как улей, голые плечи, голые спины великолепно выглядели на фоне лысин, покрытых испариной. Время от времени гости устремляли свои взоры на прикрытую куском холста картину, должно быть, ту самую, для создания которой Агнета Карловна позировала обнаженной.

– Предлагаю поднять бокалы за хозяйку этого гостеприимного салона! – поторопился Михаил Ануфриевич.

Он сам опасался, что когда придет пора произносить здравицы, он может потерять дар вменяемой речи. Такое с ним случалось не единожды, а выпимши он был нехорош, норовил «врезать правду-матку» именитым особам, коли такие обнаруживались, а если знаменитостей не было, он хулил хозяев, устроителей, гостей, словом – всех.

В общем вечер закрутился, завертелся, вино полилось рекой, а закуски были на столах тонкие, деликатесные, некоторые (только что с самолета) еще подавали признаки жизни.

Пели скрипки, звучногосые певцы легко преодолевали ля третьей октавы, салонные пииты упражнялись в рифмах на «любовь» – и самые бурные аплодисменты заслужила все та же Валентина Шницель. Она спокойно обронила: «любовь покупается вновь» – не ахти как срифмовала, но попала в яблочко: как раз затеялся разговор о деньгах и сопутствующей им любви, или наоборот – о любви и сопутствующих ей деньгах.

Михаил Ануфриевич сказал зычно:

– Были бы у меня пенендзы, со мной любая бы отсюда пошла. Все дело в цене...

(А мы отметим, что у всенародно любимого писателя нет бабла, а у каких-нибудь мелкотравчатых, скорее всего, даже на хлеб нет.)

– Вот он, мечтатель нашего сурового времени! – откликнулась длинноногая блондинка, жена первого заместителя городского головы. И потише добавила: – Да я с таким и за миллион не лягу!

Дискуссия не завершилась этими репликами.

– Все бабы продажные стервы! – сказал классик, а, надо сказать, он имел некоторое право говорить об этом: он был трижды женат, и все три жены сбежали от него к состоятельным мужикам.

– Я сказал бы даже – шлюхи! – сказал негромко Малыгин.

Дело в том, что он все-таки обнаружил залежи портвейна, и золотой этот напиток потребовал трибуну. Но Малыгин не стал развивать свои соображения, он пока еще помнил, что сегодня состоится презентация его работы, которую пока не видел никто, но разговоров о ней было огромное количество: портрет Агнеты Карловны приобрел скандальную известность задолго до того, как был завершен.

– Жируют баре! – можно было услышать на улицах города, в очередях за билетами в оперный театр, на рынках и в бутиках.

Люди любили посудачить о красавице и ее бравом майоре.

Агнета Карловна мало обращала внимания на досужие разговоры, она говорила:

– Пусть болтают что угодно... Хуже, если забудут вовсе...

Наконец настала заветная минута. Гостей, изрядно разогретых вином, пригласили к закрытой куском холста картине Малыгина. Позвали и автора, угрюмого от портвейна. У стойки с микрофоном сгрудились искусствоведы, журналисты, знатоки живописи. Но от накрытых обильно столов сумели оторваться не все. Злопыхатели тут же прошелестели: остались выпивать и закусывать те, для кого нагота Агнеты никакой не секрет.

По сигналу хозяйки салона вперед выступил главный искусствовед – Ипатий Харитонов. Явно волнуясь, он стал разяснять, чем, по его мнению, высокая эротика отличается от порнографии, и как она полезна для всех без исключения. Эротика оплодотворяет искусство, эротики не чурались как древние мастера, так и наши великие современники. И вот сегодня вниманию присутствующих будет представлен яркий образец именно высокой эротики. Помощники оратора чуть-чуть посуетились перед заветным холстом, и долгожданное свершилось. Любители и профессионалы не сдержались, ахнули: обнаженная красавица выходила из морской пены прямо к ним – прохладная, манящая, дерзкая, с легкой усмешкой на губах, которая могла означать: разве не нагота правит миром – эти волнующие бедра, зовущие груди с напряженными сосками, ничего общего не имеющий с тригонометрией треугольник лобка?

Зал разразился аплодисментами.

– Восхитительно!

– Прекрасно!

– Новое слово в искусстве! – гости заторопились высказать свое восхищение бенефициантке.

– Внимание на центр зала! – произнес по микрофону торжественный голос.

И тут же погас общий свет, и вспыхнули ослепительные лучи прожекторов и высветили небольшой подиум. На него поднялась Агнета Карловна. Одним легким движением она сбросила хитон, красная кайма легла, как змея-искусительница, у ее ног. И к наготе живописной прибавилась нагота живая. Одновременный судорожный вздох доброй сотни людей слился в затяжной стон.

На целую минуту зал погрузился в оцепенение, не зная, как реагировать на произошедшее. И наконец грянули шумные овации, как будто разверзлись все аплодисментские хляби. Агнета Карловна прошла по подиуму, развернулась на носках туфель и скрылась за сверкающей занавесью, оставив гостей восторгаться героиней дня, а также судачить и злословить.

– Автора, автора! – потребовали опять Малыгина, как будто он был создателем обеих Агнет.

Художник, отяжелевший от портвейна, принялся отбиваться, но на него неожиданно с обличительной речью навалился Михаил Ануфриевич, приревновавший живописца к его громкой славе, пивший уже исключительно водку, как русский писатель.

– А вот скажите нам, уважаемый Дали, – прокричал классик, – а вы свою жену тоже выставите на всеобщее обозрение совершенно голой? Или как?

– За Дали ответишь, – сказал Малыгин, – а жену мою не трогай своими чернильными лапами.

(Все знали, что художник холост, во всяком случае, нынешним утром был не женатым.)

– Ах ты, сука! – полез драться писатель.

Водка пошла в атаку на портвейн. Михаилу Ануфриевичу удалось съездить художнику по уху. Тот тут же ответил, да так, что живой классик едва удержался на ногах.

– Дай ему как следует! – поддержала Малыгина какая-то голая спина, должно быть, из очереди желающих заказать у него свой портрет ню.

– Не поддавайся, Мишаня! – нашлись болельщики у писателя.

Зал разделился, переживая за судьбы литературы и живописи. Живопись явно теснила литературу: Малыгин попал знаменитому прозаику в скулу и под дых. Неизвестно, чем бы закончился прием для этих творцов, но, выждав время, достаточное для среднего мордобоя, в дело вмешалась охрана и развела драчунов по разные стороны картины, названной Малыгиным «Утренняя свежесть».

Инцидент был исчерпан, но долго еще его участники пузырились, вели словесную перепалку:

– Халтурщик ты, а не писатель!

– Бездарь!

– От бездари слышу!..

В общем, на приеме было весело. Будущий генерал, а пока майор, не отходил от Маши, рассказывал ей занимательные армейские истории. Например, как рядовой Сидоров пригласил на свидание девушку в тот день, когда он заступал на пост около складов со снарядами. «Приходи прямо к колючей проволоке, – написал он ей записочку, – да не забудь прихватить с собой спички, разведем костер, будем ночью греться...» Девушка, конечно, даже не подозревала, что рядовой Сидоров очень хотел попасть домой, пока хотя бы в отпуск. Вообще, девушки охотно ходят в лес с малознакомыми военнослужащими, и как бы мамы девушек не отговаривали их от этого, они все равно идут, и не забывают прихватить большой коробок со спичками.

А расчет рядового был прост: ночью к посту приближается доверчивая девушка, по случаю свидания надевшая кружевное белье (подумала бы, разве ночью в лесу видны эти кружавчики?). Он останавливает ее грозным окриком: «Стой,

кто идет! Стрелять буду!» Она говорит: «Это же я, милый!» – и продолжает движение, как она надеется, навстречу любовным утехам. Однако рядовой, согласно положению устава караульной службы, еще несколько раз предупреждает ее о возможности применения оружия и потом применяет его. Все! Кратковременный отпуск на десять суток обеспечен бдительному бойцу, остановившему диверсантку со спичками.

Но блестящий этот план не был осуществлен в этот раз. Сидоров знал, но не учел, что, на грех, и автомат Калашникова не стреляет. Рядовой нажал на спусковой крючок, но раздался только щелчок. Он передернул затвор и опять попытался выстрелить, но опять осечка. И так десять раз кряду... В конце концов даже девушка сообразила, что к чему, и дала деру – напрямик в комендатуру, там все рассказала, как неопровержимое доказательство показала кружевное белье, а главное – записочку от солдата. И поехал он в сторону, противоположную от его родного дома.

– А девушка? – любопытствовала Маша.

– Она с тех пор поумнела, – сказал будущий генерал и, загадочно улыбнувшись, добавил: – Кажется, с тех самых пор на ней никогда нет нижнего белья...

Маша поняла, что майор допустил дерзость, но промолчала: этот вояка ей нравился все больше. Неизвестно почему.

Когда прием начал клониться к закату, когда художник Малыгин и писатель Чудинов-Бухалов, обнявшись, как родные братья, отправились к веселым девушкам общежития швейной фабрики имени Клары Цеткин, когда «Утреннюю свежесть» в деталях рассмотрели даже уборщицы и бригада электриков, ошибаясь дверью, но в итоге не пожалевшая об этой ошибке, когда стало казаться, что здешняя водка разбавлена водой и нужно бы поискать место, где водка крепка, женщины свежи и легко уступают, – майор сказал Маше:

– Иди, тебя зовет хозяйка...

Маша всегда считала, что она сама себе хозяйка, и ей бы оскорбиться, хлопнуть дверью, сказать какую-нибудь колкость, например: «Эта ваша «Утренняя свежесть» хороша для этикетки мужского дезодоранта», но она почему-то безропотно пошла за будущим генералом, теоретиком строевого устава.

Она ожидала увидеть Агнету Карловну неглиже, может быть, с кальяном в карминных губах и уж обязательно с бокалом мохито в руке. Но светская львица ждала Машу в небольшой комнате, где стояло два глубоких кресла, она была укутана в расписной халат и выглядела усталой.

– Хотела на тебя посмотреть, мы ведь на «ты»? – сказала она.

– Можно и на «ты», – согласилась Маша. – Слушаю тебя.

– Скажи честно... – начала Агнета Карловна и тут же умолкла, как будто размышляя – стоит ли продолжать этот разговор, эту странную встречу.

Маша подумала: сейчас начнет майора выторговывать, так ничего ведь не было. Пока...

– Скажи, – повторила Агнета Карловна, – тебя не угнетает людская разобщенность?

И почему-то Маша не удивилась неожиданному вопросу.

– Угнетает, – ответила она без раздумий. – Очень... С самых вавилонских времен мы не понимаем друг друга... Говоришь кому-нибудь на чистейшем русском: «Стрижено», а он на таком же безукоризненном русском отвечает: «Нет, брито»...

И хоть кол им на голове теши, они так и будут упираться – стрижено и брито. А там на самом деле природная лысина, с детства не выросло ни волоска...

– Мы, творческая интеллигенция, много размышляем над сложившейся ситуацией, – начала Агнета Карловна. – Сейчас создан штаб по противодействию кризису, выделены значительные средства. Мы издадим книги, в которых постараемся разъяснить сложившееся положение, ударим в набат... привлечем единомышленников, хотя бы широко известную организацию по борьбе с чудовищами – ОРГБОРЧУД... Надо спасать великий русский язык!

– Почему русский? А что, у остального человечества с взаимопониманием все в порядке? – удивилась Маша.

Но Агнета не расслышала ее вопроса, так была увлечена рассказом о раскрывающихся перспективах.

– Привлечем серьезных ученых-лингвистов, и они создадут универсальный язык, – продолжала она, – не эсперанто, а доступный, интуитивно понятный инструмент общения. Этот язык впитает в себя сотни земных языков и наречий...

Далеко за полночь Маша стала собираться домой. Но гостеприимные хозяева ни за что не хотели ее отпустить.

– Скоро светать начнет, оставайтесь на ночлег у нас!.. – стали ее уговаривать. – Выпьем кофе, и занимайте любую из спален на втором этаже.

Она дала себя уговорить – в жизни не каждый день попадают полные единомышленники. Как будто они шли разными тропинками по одному лесу, и вот встретились и удивлены, как близко они были друг от друга.

Они отправились спать. Маше досталась спальня, выдержанная в бордовых тонах – бордовые простыни, бордовый кафель в ванной, бутылка бордо на маленьком столике. Она загадала: если майор постучит к ней сегодня, она ни за что не уступит, и тогда все у нее будет хорошо. Почему она поставила одно в зависимость от другого, она сама не могла понять. Не смогла бы она и объяснить, почему вообще это могло произойти, почти на глазах жены, едва ли не с ее благословения.

Только потом нашлось объяснение.

Как все объяснения, еще больше запутывающее суть дела. Агнета учила: «Как добиться всемирного взаимопонимания, взаимопроникновения душ, космического единения человечества, если по ночам человечество разделяется на мужчин и женщин и расплзается по альковам? И там, в шелковой ловушке простыней, они не принадлежат человечеству – только самим себе. Это великая трагедия мира, что индивидуальное каждую ночь побеждает общечеловеческое. Какое уж тут полное взаимопонимание, создай хоть десять универсальных языков, к утру они забудутся, место строгих лингвистических построений займут привычные «муси-пуси»... Я не призываю к свальному греху, но если в самых смелых проектах мы провозглашаем: все должны принадлежать всем, то не значит ли это, что общественные институты должны отодвинуться, уступить место индивидуальному решению».

Маша не сразу поняла непростую логику Агнеты Карловны, переспросила:

– А разве сейчас не так, с кем хочешь – с тем и сплю?

– Ты еще так молода, – ответила светская львица, – что, может быть, не уловила тонкостей проекта, даже и не проекта еще, а набросков к проекту... С возрастом это пройдет...

Это был их первый разговор и первая легкая размолвка. До катастрофы было еще далеко.

Будущий генерал постучал под самое утро, она сказала «да». На фоне бордовых простыней боевые шрамы майора выглядели устрашающе, и требовалось много ласки, чтобы утишить его боль. Оказалось, что запасов ласки у Маши хоть отбавляй.

С тех пор много воды утекло в Урале.

Генерал стал генералом. Агнета Карловна – генеральшей, осуществляла духовное руководство своими единомышленниками. Маша иногда оставалась на ночлег в необъятном генеральском доме, генерал навещал ее крайне редко, он не любил всего, что, по его мнению, может помешать установлению Бесконечного Порядка. Вся эта писанина казалась ему подозрительной.

Но иногда бывший капитан стучался в дверь спальни Агнеты Карловны, и что они делали там до утра, оставалось для ревновавшей Маши тайной. Однажды она спросила об этом напрямую у генеральши, но та только рассмеялась в ответ.

– Это дело двоих, – сказала она. – Мы – супруги... Впрочем, тебе скажу: мы рассматриваем его коллекцию бабочек, у него собраны редчайшие экземпляры, есть даже бабочки из Гренландии, даже с Луны ему доставили бабочку с размахом крыльев восемь метров.

Как-то Маша тщательно осмотрела и кабинет генерала, и его спальню, и спальню самой Агнеты Карловны, но никаких бабочек не обнаружила.

Маша лучше других знала, что «дело двоих» у генерала давно не получалось. Что же происходило у генеральши в такие дни?

Маша стала первой поверенной в делах светской львицы и со временем все взяла в свои руки, в том числе и литературный салон; и днем, и вечером, и даже под утро тянулись к ней отверженные писатели, непризнанные поэты, разорившиеся купцы, с горя начавшие писать фантастические романы, – вся полынная горечь земли нашей, и каждому она находила словечко, в крайнем случае десятку. В ее тесной «двушке» все было завалено рукописями романов, эпических поэм, театральных пьес, киносценариев, причем время от времени авторы справлялись: а вдруг их творения изданы божьим промыслом, и не пора ли доставать из-за голенища большую ложку, чтобы хлебать мировую славу?

Примерно в то время Маша поделилась с окружением Агнеты Карловны своей идеей построить новую Вавилонскую башню.

Первой ее поддержала Агнета Карловна:

– Ты побивная, – сказала она. – У тебя все получится.

А когда она узнала, что происходит на городской свалке, то, побывав на месте, пришла в полный восторг.

– Новый город! – восклицала она. – Символично, что башня будет стоять в центре свалки, и сама будет состоять из мусора и отходов... Основа жизни – кавардак, хаос. Слава тем, кто пытается справиться с ним... Пусть где-то возникают сообщества людей, объединенных стремлением переселиться на Луну, или собираются компании, добывающиеся переименования Тихого океана в Великий океан, а наш народ сплотится на основе... впрочем, не все ли равно, на какой основе он станет единым...

На этом она обычно умолкала.

Тогда говорила Маша:

– Мы собираем людей... Нам, мне нужны люди... Вы обращаете внимание на то, как мало людей вокруг нас? И мне совершенно безразлично, какая идея их соберет вместе – хоть коллекционирование оловянных солдатиков, хоть собрание фантиков... А Вавилонская башня, надеюсь я, для человека и человеич станет той клейкой лентой, в которой завязнут не мухи... но очень похожие на мух...

...Вот какой женщине Бочаров принес ее улетевшую ночнушку.

Глава третья

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ, В ОСНОВНОМ НА СУШЕ

Как-то, в очередной четверг (салон собирался по четвергам), после рыбных закусок, кто-то вспомнил:

– А ведь по нашей реке когда-то, лет восемьсот назад или больше, прошел многодневный лодочный поход. Тогда на казачьих бударах вниз по Уралу сплавливались знаменитости – Иванов, далекий предок Иванова, Дон Кихот, мечтатель из далеких краев, где вино дешевле молока, Эммануэль, – никто не мог вспомнить откуда он (или она?) и чем знаменит, – красавица, стихосложительница всех времен и народов Шаба Ренина... Почему бы нам не повторить поход и не организовать что-то наподобие литературной экспедиции? Это вполне укладывается в концепцию салона – «Единение, взаимопонимание, Бесконечный Порядок на фоне катастроф».

– На самом деле, – сказал Генерал, – нынешним властителям дум не помешает проверить себя на прочность, готовы ли они противопоставить несовершенству мира свою высокую организацию, сплочение.

И началась нешуточная подготовка к экспедиции. Агнета Карловна лично утверждала каждую кандидатуру будущих сплавщиков. В итоге подобралась боевая команда. В ее составе оказались Чудинов-Бухалов, Валентина Шницель, искусствовед Ипатий Харитонов, прославившийся своей скандальной книгой «Эллины на Волге»... Включили и пару известных кутюрье, пару же модных диджеев, единогласно постановили взять в плаванье как можно больше журналистов и даже одного скульптора-монументалиста – Григория Поджарого. Не обошлись без полудюжины спортсменов – для всего, что может понадобиться. Командором экспедиции стала Агнета Карловна, Маша – старпомом. Все нити управления походом были в ее руках.

Время подготовки к экспедиции совпало у Маши с любовной историей, начавшейся с того, что ветром унесло с бельевой веревки ее ночнушку, а достал и вернул ей никчемную, в общем-то, эту тряпочку один престранный человек, живший на крыше, – Бочаров.

Она напоила его кофе и проявила интерес к его страсти – собиранию и сохранению бумажных книг, – и он влюбился в нее. Причем тем крепче становилась его любовь, чем больше засасывали ее теория катастроф и возведение – подумайте только! – новой Вавилонской башни, в основании которой будет – до такого надо было додуматься! – обыкновенный мусор.

Время от времени Маша как будто забывала о суетном, облачалась в строгие платья – долой глубокие, как Марианская впадина, декольте, прочь разрезы на юбках, которые доводят до головокружений, долой кружева, прозрачный шелк.

волнующую лаванду, – она вспоминала тогда о всемирных катастрофах, особенно о Вавилонском крушении. Но траур этот она держала недолго, так же внезапно она опять являлась в тонком, прозрачном, дерзком; от ее недавней печали не оставалось и следа, разве только чаще она прикладывала надушенный платочек к уголкам прекрасных глаз.

Бочаров боготворил ее, зазывал к себе на крышу, надеясь познакомить возлюбленную с интересными людьми – конструктором уникального Преобразователя который легко преобразовывал золото в свинец, горячую воду – в холодную, фарш превращал опять в куски свинины и говядины, причем на место возвращались и вырезанные прежде кости. Ей могли быть интересными и люди-невидимки: никто не знает, откуда они берутся и много ли их, ведь их невозможно пересчитать.

Однажды Бочаров слышал, как мужчина, называющий себя императором далекой Перламутрии, объяснял кому-то:

– Эти люди-невидимки сотворены страхом. Когда от ужаса становится невмogu, в июле леденеют руки, и кажется, что заледенело само сердце, и в каждом прохожем мерещится тот, кто может укусить, да что там – легко загрызть, – нервная система срабатывает, как подушка безопасности, – внезапно отключает видимость тела. Сейчас из пустынь и вырубленных лесов надвигается восьмая эпоха страха, да, впрочем, кто их, эти эпохи, подсчитывал: страх повсюду и всегда, и многие люди хотели бы стать невидимыми.

– Какой толк честному человеку, если его не видно? – спросила Маша. – Для чего он ходит в модные бутики, в салоны красоты, принимает грязевые ванны, если его никто не увидит...

Бочаров надеялся, что Маше будет интересно встретиться со стариком Гекель-берри Финном, дожившим до наших дней, никогда не обращавшимся к врачам, особенно стоматологам (в полночь раскрутить над головой дохлую крысу и три раза прошептать: «Лети, крыса, на запад, унеси мои хвори», – и кинуть крысу на запад. На восток тоже можно. И тогда все болезни пройдут стороной).

Но Маша плохо помнила Гека, думала, что он из группы «Open Shearts», а о Преобразователе фарша даже слушать не захотела. Напрасно он говорил ей, что Гек был дружен с Марком Твенем и самим Томасом Сойером, а Преобразователь может также превращать доллары в рубли, ее все это не заинтересовало, и на крышу она не захотела подниматься.

Она сказала:

– Вот если бы наоборот – рубли преобразовывались в доллары...

Он соблазнял ее красотами, открывающимися с крыши дома с колоннами, рассказывал, кто в разные времена жил здесь, уверял, что дом этот волшебный. Скажем, живешь ты здесь год-другой, здороваешься по утрам с соседями, берешь займы до полочки «трешницу», но в один прекрасный день понимаешь, что здороваешься ты уже совсем с другими соседями, а прежние пропали, растворились, и «трешницу» отдать некому.

– Я сама живу в этом доме и никуда, слава Богу, до сих пор не исчезала, – сказала она.

В общем, Маша так и не побывала на крыше собственного дома. После того как она развелась с Бочаровым, ей и подавно не захотелось бы карабкаться по шаткой лестнице, балансировать на старинных, осыпающихся стенах, рисковать изодрать в клочья одежду.

Разговор о замужестве она завела в первый день знакомства с Бочаровым, когда он, ошеломленный любовным натиском, маленькими глоточками потягивал какое-то кисленькое вино: в его представлениях о шикарной жизни было и такое – питье вина маленькими глотками, как бы показывая всем, что он не надерется в ближайшие полчаса. Хотя показывать было некому, в спальне они были одни.

Дотронувшись до своей обнаженной груди, Маша спросила:

– Ты разрешил бы жене позировать без одежды?

Все в нем закричало «нет, никогда!», но губы против его воли произнесли:

– Конечно, мы же современные люди.

Но, наверное, он не был современным человеком, потому что ревность немедленно резанула его по сердцу.

– Тогда я выйду за тебя замуж. Проси руки... Рад?..

Так утром к ним на крышу залетела колдовская рубашка, а вечером Бочаров попался в супружеские сети.

Свадьбу сыграли скромную (350 приглашенных и еще человек сто прибились к столам без приглашений) в ресторане «Березка номер два», а первый, тоже знаменитый на весь город кабак, оказался занятым – тоже играли свадьбу: выходила замуж та самая девчушка с телевидения, у которой была караока с пятью тысячами песен. Они с Бочаровым буквально столкнулись у двери директора всех восемнадцати ресторанов «Березка» и принялись врать друг другу. Бочаров не знал, что способен так увлеченно придумывать байки.

– Привет! Что ты здесь делаешь? – спросил он у нее. – Может, замуж выходишь и пришла уточнить свадебное меню (попал в яблочко)?

– А тебя каким ветром занесло сюда – прямо с крыши? – ответила она вопросом на вопрос.

– Да, я спустился непосредственно с крыши, – соврал он, но не скажешь же ей, что пришел он из двухкомнатного рая. – У нас мероприятие небольшое намечается...

– Прием на крыше? – она вложила в эти слова весь свой запас сарказма.

Он постарался, чтобы его вранье выглядело правдоподобно:

– Люди 37 года собираются отметить 120-летие Николая Ивановича Ежова, как малюты Большого Террора. И попросили меня помочь, ведь большинство этих людей – дряхлые старики. На этот вечер будут заказаны только остро перченые и пересоленные блюда, пить участники приема станут только спирт-сырец, «Таганку» споет, если сойдемся в цене, знаменитая московская а-капелла...

– Про вашего Ежова я читала в журнале, в парикмахерской на глаза попался, – перебила его телевизионная девчушка. – Он был из рабочей семьи, чистый пролетарий, поэтому строил каналы, туннели и шахты... И еще, пишут, что он был совсем небольшого росточку... Почти как лилипут, чуть больше... Поэтому он очень любил детей...

– И все-таки, что ты тут делаешь? – теперь он перебил ее.

– Моя подруга замуж выходит... За большого профсоюзного воротилу, – придумала она.

И вдруг он ясно понял, что девчушка, конечно же, понимает, что он отчаянно врет, как и он ни на минуту не поверил про замужество подружки. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Кто тот счастливец, кому достанется твое золотое сердце? – спросил он. – Искренне ему завидую.

– Что же ты тогда меня бросил? – видимо, у нее была хорошая школа по переворачиванию с ног на голову любых вопросов.

– Ты дорогу знаешь...

– На крышу? – усмехнулась она. – Я несколько раз, рискуя сломать себе шею, поднималась по шаткой лестнице на крышу дома с колоннами, но ты, наверное прятался от меня.

И опять дрогнула земля.

– Что это было, землетрясение? – спросила она.

– Разве и ты эти толчки ощущаешь? – удивился он.

– Конечно, и довольно часто, а вот подружка моя...

– Которая замуж выходит? – вставил он.

Она смутилась, повторила:

– Сам виноват, прятался от меня...

– Как ты могла подумать такое? – возмутился он. – Это простое стечение обстоятельств...

За интересным разговором они не заметили, как вышли из «березок», двинулись вдоль по улице – ноги неосознанно понесли знакомым маршрутом, и они оказались у дверей дома девчушки. А как раз была осень, город догорал в октябрьских пожарах, и не было краски, которую бы пожалела природа для своих лесов.

– Какая чудесная осень! – с чувством сказала она.

– Я тоже люблю эту пору, когда ходишь по улицам, как по драгоценному ковру, – сказал он.

«Он, оказывается, не только бесребреник, но и романтик...» – подумала она. Ей в руку спланировал ржавый кленовый листок, и она протянула его Бочарову:

– В моем сердце тоже октябрь... Вот, держи, я награждаю тебя этой медалью. Береги ее, она как твой опознавательный знак, по нему я и через сто лет узнаю тебя.

И действительно, не через сто лет, а через сорок, когда уже давно никто и никого не узнавал, она встретила его на болгарском курорте Альбена, где сразу обратила внимание на седого восьмидесятилетнего старика, у которого все карманы долгополого, заштопанного на локтях пиджака были набиты книгами. Она, возможно, сомневалась бы, но заметила, что закладкой одной из его книг служит высушенный, хрупкий кленовый листок. Она подошла к нему и сказала: «Предъявите пароль», и он только на минуту замешкался и протянул ей драгоценный листок.

– Бочаров! Боже мой, Бочаров!..

Но сорок лет, как ни стремительно они летят, должны еще пройти. А тогда осенью, у порога ее дома, он обнял ее, она поцеловала его и потянула за собой, прошептав:

– Целый день в нашем распоряжении...

А на завтра в ресторане «Березка» играли веселую свадьбу. Девчушка была очаровательна – в белом, пышном и целомудренном. Ее новоиспеченный муж сиял от счастья.

А через дорогу, в «Березке № 2» гуляла другая свадьба. Когда гости нестройно кричали «Горько!!! Горько!..» и Бочаров с Машей вставали целоваться, то через

ее плечо ему было видно, как в «Березке» под такие же крики девчушка целовала своего счастливого избранника.

– Сегодня я счастлива, – сказала Маша Бочарову, – даже катастрофы – уже разразившиеся и только готовые обрушиться на нас – не могут омрачить мое счастье. Правда, правда!..

И на самом деле, она не перестала улыбаться даже тогда, когда Валентина Шницель, ох уж эти злословные поэты, сказала ей, что по залу летает шепоток дескать, Генерал выдает замуж свою любовницу.

– Фу, как примитивно! – только и сказала она.

Бочарову к свадьбе справили черный, с жилеткой как у Ленина, костюм, Маша собственноручно завязала ему лазоревый какой-то, с вплетенными в ткань золотыми нитями галстук.

Звучали поздравления и здравицы, гремел военный оркестр, гости били – на счастье – посуду. Все мужчины хотели выпить с Бочаровым, все женщины – пошептать с Машей. Хмурый Генерал излагал Чудинову-Бухалову свои соображения о необходимости аннексии Луны, а со временем и всей галактики.

– Человечество должно обезопасить себя от внезапных ударов из глубокого космоса, – говорил он, а ему поддакивал какой-то полковник, забежавший на свадебный огонек без приглашения.

Чудинов-Бухалов тоже был за быструю войсковую операцию. После седьмой рюмки он вызвался находиться на головном танке, чтобы своими глазами увидеть, а потом описать в романе, а лучше в трилогии героизм наших военных.

– На Луне танков нет, только легкие бронетранспортеры, – вякнул полковник.

– Героизма наших военных это не умаляет, – достойно ответил великий писатель.

«Дать бы ему в рыло! – мечтательно подумал полковник. – Из-за таких штатских кондомов должны погибать наши ребята!»

Агнета Карловна поздравила молодых, протянула Маше ключ от машины:

– Этот внедорожник теперь ваш.

Маша обрадовалась, не могла ведь она знать, что этому джипу предстоит изо всех своих лошадиных сил спасти ее, когда придут более страшные времена.

После свадьбы молодые поселились в Машиной «двушке». Бочаров постигал грамоту семейной жизни с трудом: в этом кухонном блеске, гудящей посудомоечной машине, надраенных полах, книгах, расставленных по ранжиру и цветам обложек, ему чего-то не хватало. Может, ржавчины?

Он тосковал по крышам...

В жизни Маши ничего не изменилось. По четвергам она уходила в литературный салон, там чествовали то гениального кинодраматурга, который в застойные времена не снял ни одного фильма – в знак протеста, то неожиданного поэта, всю жизнь проработавшего в чесальном цехе мехового комбината и не подозревавшего в себе великого дара, то поощряли творческую молодежь, приглашая к себе на угощение неприкаянных, непричесанных, голодных, не очень трезвых поэтов, прозаиков. Часто случались скандалы, куда без них? Гонимые духовной жаждой, салонные дамы часто бросались, как в омут головой, в объятия непризнанных творцов, а это очень не нравилось обманутым мужьям; случалось, дело доходило до мордобоя. Тогда Маша звонила в свою «двушку», где у телевизора

коротал время Бочаров. Его увесистые кулаки не раз помогали ставить на место распоясавшихся мужей.

В жизни Бочарова изменилось все. Как он иногда говорил сам, у него выбили из-под ног крышу. На другой день после свадьбы Маша похоронила в бездонных глубинах платяных шкафов его пальто с барашковым воротником, долгополый пиджак с разноцветными заплатами, взамен ему были выданы «подстреленный» какой-то пиджачок с обуженными рукавами, брюки, не прикрывающие щиколоток и майка, не достающая до пупка. Его слабый протест по поводу этой подростковой одежды не был услышан.

– Лучшие наши кутюрье разработали эти модели, – сказала Маша. – У нас нет повода усомниться в их тонком художественном вкусе...

Она купила ему дубовый письменный стол, разместила его в спальне, под картиной Малыгина: вдруг Бочаров захочет написать роман или мемуары, что-нибудь наподобие «Годы. Крыши. Люди», – а стол уже его дожидается. Потом она купила роскошную лампу: при взгляде на нее почему-то вспоминались Синдбад-мореход, царевна Будур, падишахи и визири.

Так он стал рабом лампы.

Обязанностей у него было немного: по утрам варить кофе, непременно в тяжелой медной турке, тоже напоминавшей о Шахерезаде: не из нее ли потчевала красавица разнежившегося владыку и так заговорила того, что осталась живой?

Еще она любила, чтобы он разговаривал с ней о политике, о том, что произошло в мире за минувшую ночь. Начинать следовало с катастроф – они бодрили, как кофе.

– Что там случилось интересного? – спрашивала она, едва открывала глаза. – В Африке по-прежнему знойно?

– Да нет, жара спала, бегемоты остались живы, – отвечал он ей, – удалось спасти и крокодилов, кроме тех, что пошли на сумочки...

– Спокойно ли Солнце? – продолжала она.

– Как раз – нет, – говорил он. – Разыгралась сильнейшая магнитная буря, все точные электронные системы работают с большими погрешностями, не случилось бы очередного компьютерного коллапса.

– Что сообщает Харон?

– Он информирует, что на территории городской свалки растет число тех, кто выбрал ее в качестве постоянного места жительства. Это не может не тревожить: значит, больше становится бездомных...

– Ты делаешь неверные выводы! – сердилась Маша. – Это значит, что люди собираются вместе, наша Башня еще до завершения строительства притягивает к себе народ!..

Иногда Маша брала Бочарова с собой. Глядя на поднимающийся все выше холм мусора, на копошащихся у его подножья людей, на норы, которые устраивают себе здешние обитатели, он спрашивал у самого себя: «Не сошел ли я с ума вместе с Генералом и его женой? Вместе с Машей? Или невразумительная теория катастроф не такая уж невразумительная?..»

...Экспедиция по реке на байдарках была предпринята в числе прочего и как испытание возникающего сообщества людей – «помойного», как именовал его Бочаров, когда Маша не слышала.

Глава четвертая

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ, В ОСНОВНОМ НА ВОДЕ

Постепенно росла гигантская гора из мусора, и ее тень на закате уже наползала на город; сумерки наступали теперь раньше обычного, и люди не понимали, что происходит. По вечерам жить становилось все страшнее.

И как человека притягивает все ужасное, так рукотворная гора притягивала к себе многих. Бездомные, сирые, бессребренные и прежде прибивались к свалке: она и кормила, и давала крышу над головой, и соседей, которые не выдадут, потому что никто и ничего у них не спрашивает, да они ничего и не знают, если только не придуриваются.

А теперь на свалку потянулись, как в казаки: вокруг кургана, на самом кургане, внутри кургана возникли целые переулки и улочки; сквозь мглу пара и тумана видны были лачуги, шалаши, ящики, кули рубероида, которые давали пристанище изгоям. Но появились уже первые особняки – двух- и даже трехэтажные, с кирпичными заборами, из окон особняков доносились гаммы и «кушать подано»...

Экспедиция готовилась долго – года два о ней только говорили, года три – четыре искали на нее деньги, потом деньги эти куда-то пропали, и искали другие деньги, но не нашли, – и замысел стал выдыхаться. Так бы его, не родившегося, и похоронили, если бы на помощь не пришел Генерал.

– Жертвую собственные накопления, – торжественно сказал он. – Нелегким воинским трудом заработаны они старым солдатом...

Бочарова подмывало спросить: «У какого станка стояли вы, Генерал? Или у станкового пулемета?»

Но он промолчал.

Маша тоже внесла на счет экспедиции имени Эммануэль немалые деньги, половина из которых исчезла.

В общем, поход готовился десять лет. Его вполне можно было бы назвать удачным, если бы не досадные мелочи (случай с Бочаровым, когда он на глазах всей экспедиции перевернулся на байдарке и так был уничтожен весь хлебный запас, тоже отнесли к мелочам), такие, как бегство в первый же день похода всех обитателей нового Вавилона, рассаженных в украшенные флагами и транспарантами байдарки. И взяли-то их, бедолаг, всего ничего – тридцать вавилонцев, причем отбирали их лично Ангнета Карловна и Маша из самых чистых, относительно трезвых, даже умытых.

Пока на берегу участники похода слушали торжественные речи провожавших их горожан, вавилонские колонисты, не привыкшие к такой суете вокруг них, переминались с ноги на ногу в шеренге, выстроенной из них самим Генералом, тревожно озираясь вокруг, примечая, что плохо лежит (а что у нас хорошо лежит?) и что можно стащить, но едва прозвучала команда «по байдаркам!», они один за одним принялись исчезать, как будто их поочередно накрывало шапкой-невидимкой. (Тогда уже были разработаны первые БГН – бытовые генераторы невидимости, но пока применение их обходилось дорого и велик был расход торфа, на котором работал прибор, и прибору этому только через несколько лет предстоит стать совершенно незаменимым. Будут даже созданы невидимые армии, родятся и разовьются целые невидимые народы. Но это будет не скоро. Но

во-первых, «притыриватель», как стали немедленно называть прибор в народе, оставлял после срабатывания густой запах аммиака, поэтому генератор не сразу стал популярным, к нему необходимо было притерпеться. А во-вторых, «притыриватель» весил около трех пудов, хилым обитателям свалки он был не по плечу. Так что колонисты растворились после торжества сами по себе, благодаря природной своей мимикрии, неприметности, которая так долго приветствовалась в наших краях.)

Немедленно была снаряжена погоня. Беглецов взяли с поличным в норах, которые они занимали в Новом Вавилоне. Они даже не успели пропить украденное в экспедиции – форменные куртки с надписью «По следам Эммануэль», майки с атрибутами экспедиции, банки с тушенкой; им удалось украсть даже символ экспедиции – старенький спиннинг, на который Иванов-предок будто бы поймал на одном из перекаатов двадцать два жереха.

Все беглецы были водворены в байдарки, смирились со своей участью и только мечтали о родной свалке, а на привалах никогда не присоединялись к пению официальных туристских песен: «...А где-то бабы живут на свете, сидят друзья за водкою...», а мычали что-то почти нечленораздельное – с надрывом, стонами, молодецким посвистом: «...мы бы выпили, если б нолили, нам не стали ноливать, мы не стали выпивать... Нет, не нолили...».

Агнета Карловна двигалась по берегу на машине, беспрестанно требуя к себе Машу, которая шла на головной байдарке вместе с физруком Эдиком. Эдик ловко подгробал к зарослям краснотала, хватался за ветки, чтобы байдарку не сносило течением, привязывал ее, а потом помогал Маше выбраться на берег, иногда поднимая ее на руки – чтобы она даже ног не замочила. А Бочаров шел на байдарке, загруженной хлебом. Он мечтал набить физруку морду, но случай не подворачивался.

В экспедиции насчитывалось сто семнадцать человек, целая рота, и продовольствия требовалось много. Одного шампанского везли ящиков десять, а водки было хоть залейся, и это кое-как примиряло колонистов с шумной, многолюдной действительностью.

Агнета Карловна спрашивала Машу:

– Не сбились ли мы с курса?

Маша объясняла:

– Мы идем по реке, она наш путь, наш курс, с него невозможно сбиться...

– Слава Богу! – успокаивалась жена Генерала, но уже через полчаса опять звала подругу, спрашивала: – Водки для людей хватает? Не в тягость им поход?..

Людьми она называла колонистов, которые, кроме мата да своей песни про «нолили», не издавали ни звука. Когда после привала или ночлега экспедиция трогалась дальше, колонисты с такой силой налегали на весла, что их суденышки летели, как выпущенные из пращи.

– Вот она – первобытная сила! – восхищалась Маша, а Агнета Карловна неизменно добавляла:

– Они – пассионарии!..

Она любила поговорить об этногенезе, и портрет Гумилева висел на стене гостиной в ее доме.

Бочарову книг об этой мудреной науке пока не попадалось, хотя он подозревал, что народы на Земле получают не с бухты-барахты, а кто-то регулирует этот

процесс, но он никогда не вступал в дискуссии по этому предмету, его больше занимали улыбки Маши, направленные в сторону физрука.

«Все-таки надо втащить ему – по сытой, довольной харе!» – размышлял он и давно бы от слов перешел к делу, но опасался, что Маше это очень не понравится, а в гневе она себя сдерживать не умеет. Бочаров не очень боялся вылететь из «двушки» «с парой трусов и маек», как ему уже не раз было обещано, для него это означало всего-то переселение на родную крышу, но он боялся потерять Машу. Бывшую жену...

Генерал тоже приехал на берег – проводить экспедицию, и генеральский ординарец – весь в медалях и орденах, золотых шнурах, увидев Машу, стал проситься в поход, стращая террористами, засевшими за каждым кустом, на которых он один знает управу. Машин взор затуманился, но Генерал шикнул на распоясавшегося офицера, и тот исчез.

Конечно, Генерал был за то, чтобы все шестьдесят три байдарки шли строем, хотя бы в три шеренги, соблюдая оптимальную дистанцию на случай нападения разбойников ли, неприятельских ли войск (Бочаров думал: откуда здесь взяться неприятельским войскам, если мы, кажется, со всеми заключили договоры о вечном мире?), но оказалось, что строем двигаться могут все, только не колонисты. Как ни бились с ними, даже водочное довольствие обещали увеличить, но ничего не вышло: байдарки растягивались порою на несколько километров и практически не поддавались контролю. Невозможно было провести даже построение – все время кто-то отставал или наоборот уходил вперед, кто-то на полчаса останавливался, чтобы выкупаться или закусить парой банок тушенки, кто-то выбивался из сил, бросал весла и ждал, когда течением его прибьет к нужному берегу. В результате на вечерних поверках всегда было разное число экспедиционеров – то меньшее, а в отдельные дни – большее; иногда набиралось до двухсот человек. Значит, почти сотня была прибившихся по пути прилипал, дармоедов, людей видимок-невидимок, которых всегда много на ведомственных попойках, презентациях, партийных съездах. Они готовы говорить о чем угодно, давать пространные интервью, но только нельзя их далеко уводить от столов с халявной жратвой, иначе они слабеют, скучнеют, впадают в глубинные депрессии; во время тостов их всегда видно, а во время работы – почти совсем невидимо.

Генерал, отдавший десятилетия боевой своей жизни ранжиру и строю, махнул на экспедицию рукой и больше не появлялся на реке.

Случай с утопленным хлебом надолго выбил Бочарова из колеи. От тоски он спасался разговорами с бывшим императором Перламутрии – Перламутром Первым, который прибил к экспедиции, соблазнившись обилием хлеба и водки. Император, потерпев фиаско на звездах, едва унеся ноги из дальнего космоса, давно не ел досыта, поэтому искал хотя бы относительно хлебное место; Агнета Карловна назначила его главным инженером экспедиции – ей понравился его рассказ о том, как некогда он изобретал всякие полезные девайсы, а также он мог управлять простой машинкой времени. А сложная в экспедиции была ни к чему. Всем нравилось на летней реке, особенно Маше, закрутившей на глазах у всех роман с физруком. Никто не собирался променять свой нынешний счастливый час на ледяные пространства будущего.

Перламутр Первый сочувствовал Бочарову, говорил:

– Ну, ты, брат, попал прямо на раскаленную сковородку. Что делает из нас любовь! Вот ты серьезный человек, от корки до корки прочитавший десять тысяч томов, знающий химическую формулу чистого спирта – C_2H_2OH , доказавший ужасную черную силу любимого народного напитка, – даже ты не можешь противостоять любви!.. Против спирта выходишь один на один – и иногда побеждаешь, против любви – никогда. У меня тоже был случай, встретил в Крабовой туманности номер восемь одну брюнетку. Огонь-баба, бездонные глаза, голос с хрипотцой, походка такая, что душа обмирает!.. Звали ее... Впрочем, разве что-то в них меняется от того, как их зовут? Я тогда был парень хоть куда, возглавлял огромную империю – каждый день иноземные послы, приемы, подписание указов, шампанское, на год шестьсот костюмов... А у нас на Востоке еще и наложницы, обязательный гарем... Но она затмила всех красавиц Крабовой туманности, ну, и нашей империи тоже. Я влюбился в нее, как мальчишка. Мне нужно было видеть ее каждый день, каждый час, каждую минуту, она стала сопровождать меня в поездках за границу, по империи, в нарушение этикета ее включали в списки официальных членов делегации, и она украшала собой банкеты, церемонии подписания договоров – и это никому не казалось странным. Кроме нее самой.

– В качестве кого ты возишь меня с собой? – спрашивала она. – Сегодня жена посла Всемирного Руководства сказала мне: «Милочка, не будете ли вы так любезны передать мне тарелку с салатом оливье?..»

– Так что в этом оскорбительного? – пытался понять я.

– Я ей не «милочка»!.. А впрочем, кто я? Конечно, «милочка», вещь, которую ты скоро будешь сдавать в багаж...

– Ну как ты можешь так говорить? – оправдывался я. – Ты всегда в центре внимания, журналисты чаще берут интервью у тебя, чем у меня...

– Да, – перебила она меня, – и называют не иначе, как «спутница Императора», даже имени не упоминают. Зато твоя толстая жена распечатана на первых полосах всех газет, трещит на всех телевизионных каналах... А я – «милочка» для утех...

Правда, в этом, утехах, она была великая искусница, – продолжил Перламутр, – сама себя называла «золотыми ручками». Она в постели вытворяла такое!.. Такое!..

– Можно без подробностей? – спросил Бочаров.

– Можно, но в этих подробностях, должно быть, заплуталась ее душа, – сказал Перламутр Первый и, наклонившись над ухом Бочарова, принялся эти подробности излагать: – Вот, скажем, сколько времени понадобится обычной женщине, чтобы снять чулки? Минуту, другую? Она же могла растянуть это удовольствие на час, два, медленно скатывая нейлон с загорелых колен, и за эти два часа любой мужик может сойти с ума... Даже в том, как она ела, была эротика...

– Я понял, понял, – прервал бывшего императора Бочаров, – но что она хотела, стать императрицей?

– Именно! – вскричал Перламутр Первый. – Требовала, чтобы я отправил жену в монастырь, а какие у нас на звездах монастыри – вы знаете? Мрачные казематы, откуда нет выхода. Моя жена, конечно, сука, но вечного заточения пока не заслуживает. Хотя, признаюсь, иногда мне хочется утопить ее в ассенизаторской бочке...

– Мне знакомо это чувство, – признался Бочаров, вспомнив Машу, оседлавшую физрука.

– У вас другое – ревность, – посочувствовал Перламутр, – это хоть как-то объяснимо – все бабы от века изменяют мужьям, все мы рогаты, как лоси, и с годами смиряемся со своим незавидным положением, утешая себя тем, что обидчику вашему жена тоже изменяет.

Они оба задумались, как будто прислушивались к плеску воды за бортом байдарки. Бывший император первым нарушил молчание.

– А закончилось у нас все банально и трагически, как чаще всего и заканчивается любовь. Юлия, все-таки назову ее имя, польстилась на посулы Всемирного Руководства, империи, с которой мы находились тогда в состоянии перманентной войны, и передала нашим противникам совершенно секретные коды, что позволило им нанести массированный кибер-удар, в результате которого наши ракеты прилетели к нам же на голову, самолеты отбомбились над нашими городами, а солдаты с криками «Мир хижинам – война дворцам» и «Грабь награбленное» бросились на космодромы, чтобы лететь в столицу – здесь-то грабить нечего. Но все космические ракеты были подточены злобным вирусом и не взлетели. Всемирное Руководство оккупировало территорию нашей империи, началось и продолжается беспросветное иго, беспросветнее, чем татаро-монгольское...

– А что стало с Юлей? – спросил Бочаров.

– Император Всемирного Руководства наградил ее высшим орденом империи и заточил в одном из своих бесчисленных замков на астероидах, где она томится и поныне. Я же, после краха Перламутрии, вынужден скрываться здесь, в экспедиции...

– Вы так легко говорите об этом, – восхитился Бочаров, – а ведь вы пережили настоящую катастрофу...

– В общей теории катастроф неверность женщины приравнивается к измене родине, – подтвердил бывший император. – У нас в Перламутрии изменившую женщину лишали имени и присваивали простой инвентарный номер, и до конца жизни она не имела права называться иначе, чем «гуляющая гражданка номер такой-то». В отдельных случаях применялось публичное бичевание... Не пугайтесь, – успокоил император Бочарова, – бичевание совершенно безболезненное, виртуальное: создавалась компьютерная копия преступницы, и эту копию секли по первому каналу империи в прайм-тайм.

– Измен стало меньше? – спросил Бочаров.

– Больше, – удрученно ответил Перламутр Первый, – но мы не успели принять закон об изгнании неверных жен и возлюбленных...

Перламутр тяжело вздохнул, должно быть, сожалея о том, что не удалось принять множество хороших законов, например, об ответственности за распространение неприличных анекдотов.

– Как их отличить – приличные от неприличных? – удивился Бочаров.

– Похабные – смешные, приличные – нет...

И Бочаров с опальным императором открыли банку тушенки, откупорили бутылочку испанского вермута, которую успели спасти, когда перевернулась байдарка Бочарова, и принялись доступным образом врачевать души, бросив весла, полагаясь только на быстрое течение.

Постепенно все байдарки экспедиции ушли далеко вперед, и собутыльники остались наедине с рекой, солнцем, легким ветерком.

Впрочем, солнце закрыло крошечное облачко и как будто прилипло к нему – куда солнце, туда же и облачко, словно набирая силу у полуденного светила. И облачко постепенно превратилось в тучу, черную, грозовую; солнца как не бывало. Навалились сумерки, ветерок обернулся колючим вихрем, который яростно набросился на путешественников, едва вновь не перевернул байдарку...

Ударил ливень, ледяной, как осенью, молнии устрашающе шипели над головами. Бочаров взялся за весла, Перламутр успел спасти бутылку, но о дальнейшем пути не могло быть и речи. Кое-как удалось пристать к берегу, вытащить байдарку и укрыться под развесистым деревом.

Путники взглянули друг на друга и захохотали – так жалко и смешно они выглядели: промокшие насквозь, трясущиеся от холода.

А между тем, смеяться было рано. Дождь как будто поутих. Но на реку опустился невиданный здесь прежде густой, почти черный туман. Стало темно, как в полночь. Экспедиционеры словно растворились в этом плотном тумане и с трудом различали друг друга.

– Что это? – спросил потрясенный Бочаров.

У них на крышах такого никогда не было.

– Даже на звездах я не видел подобного тумана, – сказал Перламутр и почти до шепота понизил голос, будто в тумане был кто-то, кто мог услышать бывшего императора, но император, должно быть, очень не хотел, чтобы этот кто-то услышал его.

Тогда и Бочаров перешел на шепот:

– Однако, жутковато!..

И в это время ветвистая, как старый дуб, молния разорвала туман в двух шагах от собутыльников, и они смогли рассмотреть, что дерево, под которым они укрылись от дождя, стоит на самом краю огромной воронки, похожей на лунный кратер. Друзья стояли над стометровым обрывом, и мокрая земля осыпалась из-под их ног куда-то непостижимо глубоко вниз. Они ужаснулись, инстинктивно отшатнувшись от края бездны.

– Откуда взялся здесь, в степной местности, этот вход в Чистилище? – перекричал грозу Бочаров. – Или это вход в Ад?..

– Не знаю, откуда здесь этот ужасный кратер, наверное, большой метеорит врезался или даже астероид догнал-таки Землю, – сказал Перламутр Первый, – но я точно знаю одно: нужно как можно скорее уносить отсюда ноги. Покуда не пришли те, кто может объяснить случившуюся катастрофу, если захочет... Если только нас не сочтут нежелательными свидетелями...

В это время где-то немыслимо глубоко, на дне воронки вспыхнул огонь, и огонь этот стал медленно расплзаться, заполняя собой низ кратера. Но вот пламя перебралось выше, и еще чуть-чуть, и стало почему-то понятно, что оно не успокоится, пока не заполнит всю гигантскую воронку.

– Бежим! – крикнул Бочаров, и экспедиционеры со всех ног бросились к байдарке.

За минуту они спустили на воду свое суденышко. Еще через минуту они оба налегали на весла, и лодка понеслась, невзирая на грозу, неутихающий ливень и наступившую в полдень ночь, как будто у нее появился мощный мотор.

– Что это было? – спросил Бочаров. – Может, мы присутствуем при рождении нового вулкана?

– Однако мы не слышали никаких взрывов, и землетрясений тоже как будто не было, – ответил Перламутр Первый.

– Так мы всегда на воде, могли и не почувствовать колебаний почвы, – с надеждой сказал Бочаров.

Всегда хочется разобраться скорее с непонятным, превратить его во что угодно, но только не оставить в нем и намек на чудесное, необъяснимое, непонятное: кто-то по ночам тяжело вздыхает на кухне, скрипит половицами и глухо кашляет а мы: высыхают и трещат дубовые плашки паркета; гаснут внезапно свечи, ломаются спички в руках, и никак не разгорается камин, а мы: это сквозняк балует; вы получаете письмо, а на нем шнурок с сургучной печатью, на которой еще можно различить дату: «1774 год», а мы: «шутка, прикол, розыгрыш» – и письмо в огонь; сердце разрывается от любви и нежности к бесценной своей земле – ее окуневым речкам, таблачной * степи, Сауркину яру, нависающему над рекой и с которого, если очень захотеть, можно рассмотреть судьбу, – а мы все куда-то уезжаем, пакуем чемоданы – и все ищем, ищем края, где хлеб слаще, водка пьянее и рупь дороже доллара, как будто мы позабыли, что не бывает ничего роднее Родины – она наше истинное чудо...

Между тем небо посветлело, стих дождь, гроза куда-то укатилась, громыхая на стыках. Путешественники облегченно вздохнули и готовы были согласиться, что им только пригрезилась чудовищная воронка.

– Вы хорошо все рассмотрели? – спросил Бочаров у своего спутника. – Может, это мираж?

Ему очень хотелось, чтобы это был мираж. Потому что эта гигантская дыра в земле не укладывалась в привычную картину мира. Не хотелось знать, что неподалеку от дома разверстая рана земли, что эта бездонная яма в любое время может возникнуть на месте любого города, любого села.

– Мы все живем под прицелом внезапных катастроф, – сказал Перламутр Первый, – причем возможностей испариться вместе с планетой становится все больше. Вот теперь эти непонятные воронки в земле...

– Может быть, это случайное явление и больше не повторится, как, скажем, артиллерийский снаряд два раза в одно место не попадает? – Бочаров цеплялся за возможность обрести хоть какой, хоть самый крошечный душевный покой.

Однако император не давал ему этого.

– Не похоже на случайность, – сказал он. – И вообще случайностей не бывает, разве ты этого не знаешь?

И тут они увидели множество людей, идущих пешком, илидвигающихся на конных повозках, или подгоняющих волов, запряженных в скрипучие телеги. Странно одетые – в нечто похожее на кафтаны, в высокие фетровые шапки, женщины – в очень короткие кожаные юбки, они двигались спешно, тяжело дыша, как будто уходили от страшной опасности, при этом шли и ехали они в разные стороны, не уступая друг другу пути, скучиваясь на перекрестках степных дорог. Они что-то кричали, но ничего нельзя было расслышать. Они жестикулировали, но ничего понять было невозможно.

– Похоже, что встретились несколько цыганских таборов, – весело сказал Бочаров, быстро забывший разговоры о катастрофах.

Перламутр присмотрелся и сказал:

* Таблак – тюльпан.

– Уж очень странные цыгане... Но даже если это цыгане, то они бегут куда-то, а точнее – от чего-то или кого-то... Не спасаются ли они от этой ужасной воронки?..

– Да, они похожи на беглецов, – согласился Бочаров. – Давай-ка подгребем поближе, порасспрашиваем...

Друзья налегли на весла и через десять минут пристали к берегу, на котором уже разворачивались потасовки за возможность пройти и проехать первыми.

– Гражданин! Товарищ! Господин! – обратился Бочаров к одному из беженцев, а то, что они беженцы, стало окончательно ясно по разномастному скарбу, который они успели захватить с собой. Здесь были и старинные сундуки, и граммофоны, и хрупкий китайский фарфор, и мангал со связкой шампуров, как будто их хозяин собрался на веселый пикник.

Окликнутый беженец посмотрел в их сторону и тоже что-то крикнул. Но ветер и расстояние сломали слова, и они перетертой трухой упали к ногам разговаривающих.

Перламутр выбрался из байдарки и подошел ближе к рассеянной людской массе; часть людей явно хотела перебраться на противоположный берег реки, другая часть взяла курс на степи, а некоторые недвусмысленно дали понять, что не отказались бы продолжить свое путешествие на байдарке. Один из разбегающейся толпы решительно отправился к месту, где стояла лодка.

– Одного вполне можем взять, – сказал Перламутр, – тем более, они не выкалывают коллективизма... Заодно узнаем, что у них такое случилось, почему они разбегаются в разные стороны с такой скоростью.

Беженец подошел к байдарке и, показывая на себя пальцем, сказал что-то наподобие «бу-бу-бу».

– Это он представляется, – сказал Бочаров. – Бубубу так Бубубу. У нас на крыше долго жил человек с фамилией Ягодица. Василий Ягодица. Он, когда знакомился, то просил именовать его Ягодницей, но народ не проведешь. Вообще, мужик он был мировой. С ним хоть песни петь, хоть с людьми пятьдесят третьего года рубиться...

– Что, погиб, пал в борьбе неравной? – спросил бывший император.

– Отчего же, он жив и здоров, – ответил Бочаров, – женился, переехал в благоустроенную квартиру жены, стал носить ярко-желтый галстук, написал книгу «Есть ли жизнь на крышах», в которой как дважды два доказывает, что никакой жизни на крышах нет. За эту книгу союз писателей наградил его некрасовской премией «Несжатая полоска», которую прежде чем получить, нужно было выиграть в карты у председателя жюри – в штос или простого подкидного дурака – по выбору.

Между тем Бубубу разместился в байдарке, показывая жестами, что не надеется на безопасность плаванья на столь утлом суденышке. Он показал на лодку и сказал «жабак» или «жапак». Перламутр обиделся.

– Сам ты «жабак», а наша байдара хоть клееная-переклеенная, летит, как ласточка. А то, что Бочаров (Бочарова передернуло от этого воспоминания) перевернулся со всем запасом хлеба, так это с каждым может случиться...

– Так я еще не переворачивался, – опешил Бочаров.

– Перевернешься! Послезавтра... – предсказал Перламутр, как в воду глядел.

Путешественники смогли рассмотреть нового члена экипажа. То, что издалека выглядело, как кафтан, на деле оказалось чем-то вроде защитного комбинезона

или даже скафандра, спешно переделанного в дорожный костюм. Мини-юбки на женщинах, рассмотрели приятели, тоже оказались частью рабочей формы.

Путешественники наконец отправились в путь.

Бочаров спросил нового попутчика:

– Ты на английском говоришь?

Тот замотал головой.

– А по-французски понимаешь?

Те же движения головой.

– Так, может, ты разговляешь по-белоруску? А что, красивая мова...

Бубубу, казалось, не понимал никакого языка. Но однажды, когда гребцы зазевались и днище байдарки пробила страшная подводная карша – топляк, время от времени течением поднимаемый к самой поверхности (не только лодкам и байдаркам, но и серьезным судам карши представляют смертельную опасность), Бубубу закричал на Бочарова:

– Ты куда гребешь, у тебя глаза есть, или они декоративные?

Лодку быстро стало заполнять водой, и только невероятными усилиями Перламутра и Бочарова байдарку удалось вытащить на пологий берег. Экспедиционеры принялись латать суденышко – просушивать днище, зачищать резину, наводить заплату, а заодно прояснять кое-какие лингвистические вопросы.

– Ты почему, бродяга, скрыл знание русского языка? – приступил к допросу бывший император; у императоров опыт проведения дознания всегда выше, чем у людей, не облеченных властью.

– Ты не спрашивал, – ответил на чистейшем русском туземец, – в нашем городе, Пулемет-граде, не принято лишнего говорить, язык быстро отрежут – в прямом смысле. Пришлют кибер-палача, и тот под местным наркозом отчекрывает болтливую плоть.

– Пулемет-град? Никогда не слышал о таком городе, – сказал Бочаров...

– Вот потому и не слышал, что о нем не болтают на всех перекрестках, – ответил Бубубу, – но теперь, когда его не стало, должно быть, не стало и секретов...

Опытный Перламутр покачал головой:

– Есть такие тайны и секреты, которые на все времена. Их держат под тысячами замков, их охраняют замудренные пароли, но если бы взглянуть на них при дневном свете, то половина этих секретов – несусветная глупость...

– В нашем городе, действительно, водились тайны, – повел рассказ Бубубу...

Глава пятая

ИСТОРИЯ ВОЗВЫШЕНИЯ И ПОГИБЕЛИ ПУЛЕМЕТ-ГРАДА

Истари так повелось, что мастера этого города (теперь уже никто не помнит, как он прежде назывался) были искусны в оружейном деле. Если делали луки, то за ними приезжали из Шервуда; тамплиеры восхищались изяществом и разящей силой, заключенными в тамошних мечях; кинжалы, отточенные здесь, пробивали любой панцирь; кольчуги были легки, надежны, стрелы от них отскакивали, как от кирпичной стены. Умельцы города славились также и тем, что были неистощимы на выдумку, создавая все новые боевые системы, которые помогали сокрушать противника. В свое время здесь были изобретены трехручный меч, кавалерийские капканы, липучая лента для пехоты, боевой бамбук, который вырастал за ночь

окружая врагов непроходимой бамбуковой чащей – армии, попавшие в бамбуковую ловушку, десятилетиями не могли прорубиться сквозь этот, стоящий стеной, лес. Не многие знают, что в подобную ловушку попала армия Круши, и напрасно ждал подмоги Наполеон.

Конечно, здесь проводились исследования отравляющих веществ, ученые города увлеклись опытами с боевыми юмористическими ядами: при попадании этой отравы в дыхательные пути солдат бойцы принимались хохотать, как помешанные, и не могли остановиться, пока не упадут замертво. Были и горевальные газы, когда пораженные им солдаты принимались рвать на себе волосы, проклиная свои прошлые и возможные будущие грехи. Также местные алхимики разработали страшное любовное оружие, которое по сей день является совершенно секретным... Впрочем, любовное оружие применялось и применяется всегда, вы только посмотрите, сколько свихнувшихся вокруг, сколько из-за несчастной любви рассчитавшихся с жизнью...

– Несчастливая любовь!.. А где она – счастливая? Кто-нибудь видел ее? Вот ты, обитатель крыш, встречался с нею?..

Бочаров вспомнил Машу, идущую в одной байдарке с физруком, ее издевательский смех, когда он, Бочаров, перевернулся и утопил весь хлеб экспедиции, вспомнил Генерала, летучую ночную рубашку Маши, вспомнил и ее жаркие поцелуи, которые она дарила ему когда-то и шептала: «Ты никогда не сможешь забыть эти поцелуи. Никогда...» – и он не забыл их; и Бочаров сказал:

– Да, я встречался с нею, с любовью...

Бубубу замахал руками, так ему не понравился ответ.

– Исключения только подчеркивают закономерности, – сказал он и продолжил свой рассказ о судьбе своего города, который именовался Пулемет-град.

Заметной вехой развития города стало изобретение мелкочаеистых душеуловительных сетей. Теперь не требовалось дырявить противника копьем или арбалетом, достаточно поставить вокруг вражеского войска – ночью, тайно – душеуловительную сеть, – и вы победили. Каждый солдат, каждый командир неприятеля теперь мечтает выполнять ваши приказы. Да это и не неприятель вовсе – союзник, верный вассал. Война с тех пор стала походить на рыбалку, пока все всех не переловили. Не осталось свободных душ... И тогда появилось оружие, убивающее души, – пусть никому не достаются! Это оружие мощнее требушета будет. С тех пор, если попадаетесь вам человек с пустыми глазами, знайте – у него убита душа. Берегитесь таких...

В Пулемет-граде так повелось, что на одной улице селились мастера непревзойденных мечей, на другой – литейщики дальнобойных чугунных ядер, на третьей – пиццальщики – делальщики лучших в мире пиццалей, на пятнадцатой улице жили те, кто умел мастерить панцири и рыцарские шлемы с такими пышными плюмажами, что неприятель, пораженный их красотой, готов был сдаться без боя, – и постепенно город разделился на слободы: Пушкарскую, Сабельную, Арбалетную, Висельную, Ракетную, Торпедную, Термоядерную... Мастера в слободах пуще глаза хранили секреты от других мастеров, между ними шло нешуточное соперничество; случалось, дело доходило до мордобоя, до разбора дел в судах – победитель, бывало, наливался спесью, гордыня стала подменять разум.

Один сказал:

– Я изобрел абсолютное оружие, с его помощью ничего не стоит оккупировать любую соседнюю страну.

Второй не остановился на этом:

– Моя ромашковая бомба легко делает ее обладателя властелином Земли...

Третий закричал:

– Мой универсальный атомный арбалет придает столько силы, что ее вполне хватит на покорение Вселенной!

Четвертый не сдержал гордыни:

– Да что там Вселенная, с моей смарт-шрапнелью любой чувствует себя Богом...

Сказал и сам испугался, принялся мямлить, что он не это хотел сказать, что он не собирается соревноваться с Всевышним, что у него просто с языка сорвалось... Но никому еще не удавалось отменить, зачеркнуть, вымарать слово изреченное...

Много веков соревновались оружейники Пулемет-града, и деньжонок подзаработали, и дома каменные поставили, и с серебра приучились есть, в жены стали брать столичных штучек – живи, да радуйся, но стали в последние годы оружейники замечать странное и непонятное, страшное. Едет утром человек на работу в трамвае, как водится, берет с собой термос с кофе, бутерброд с вареной колбасой. И вдруг на одной из остановок человек слышит, что из портфеля с его бутербродом доносятся какие-то звуки, как будто кто-то смачно жует этот самый бутерброд, с фырканьем запивая его кофе. Человек открывает портфель и с ужасом видит, что его бутерброд на самом деле обкусан, в термосе кофе на доньшке, да и тот чуть теплый. И человек понимает, что это не случайно – мы все давным-давно знаем, что из случайностей выходят самые закономерные закономерности, – дано ему знамение, задумайся над ним: что в твоей жизни не так? Стащи с башки картуз и молись, спины не жалей, отбивая поклоны – Господь милосерден, не теряем надежды, что и нас простит.

Или идет человек по важному, как ему кажется, делу, на ходу придумывает, как ему похитрее капсуль устроить, и внезапно ощущает, что земля под ним словно потеряла прочность, и на всем ходу человек проваливается по щиколотку в невесть откуда взявшийся зыбучий песок. И не успеет человек крикнуть по мощь (разве можно помочь тому, кто проваливается под землю?), а глянь, его уже по колено, по пояс, по плечи засосала страшная воронка. Еще пару секунд, и как будто не было человека; еще висит в воздухе его жуткий крик, а уже затянулась воронка в земле, и все, пока оставленные здесь, оторопело смотрят под ноги. Дошло до того, что стало засасывать автомобили; страх пополз по Пулемет-граду.

И тогда бы горожанам собрать пожитки, сундуки с золотом, комоды, набитые шелками и бархатом (а лучше – бежать налегке), и рвать отсюда, не оглядываясь, но оружейные академики не распознали угрозу, принялись изобретать подземные самолеты, которые смогли бы сбрасывать подземные бомбы.

И тогда город начало трясти. Как обычно, посыпались стекла, штукатурка, обрушились кариатиды, вспыхнули пожары, а потом провалились несколько зданий, красивейших – стекло, алюминий, сталь – по сто этажей каждое: лабораторный корпус прикладной партизанщины, офис института дознания с применением мер устрашения, дом культуры для секретных агентов, где разведчики и междуна-

родные киллеры могли отдохнуть, расслабиться почти в семейной обстановке, без беготни, стрельбы, допросов и расстрелов...

Пушечные академики не придумали ничего лучше ответного подземного удара, дескать, находящиеся под городом пловуны могут быть укреплены энергией направленных взрывов.

Горожане аплодировали, когда началась подземная бомбардировка: вот, опять на силы природы выброшена узда, человек в который уж раз справился со стихией.

Бомбежка началась в полночь. Бомбометатели очень любят это время, когда дети и их матери крепко спят и не смогут далеко убежать. Ночью не так заметны разрушения, и не видны все убитые...

А с рассветом началось!

Мелко задрожала земля – под ногами у каждого, под каждым домом, под каждым оружейным заводом. И тотчас в земле разверзлись воронки – тысячи, сотни тысяч, в них исчезали трамваи, грузовики, артиллерия, которая еще минуту назад изрыгала прицельный подземный огонь. Не успев проснуться, в воронках пропадали люди. Целые улицы проседали и погружались в казавшуюся теперь прахом землю. Черная пыль заслонила рассвет, вернулась ночь, полная грохота, воплей.

Неспешно, но неотвратимо тысячи воронок собирались, объединялись в одну необъятную, и в ней пропадали огромный, горделивый город... И пропал...

Спаслись немногие, может быть тысяча, может быть, дюжина тысяч, те, кто были за городом, или несли, как Бубубу, какую-то вахту, и бросились бежать при первых признаках катастрофы.

– И вот что удивительно, – продолжил Бубубу, – как будто повинуюсь строгому приказу, все уцелевшие бросились в разные стороны, не уступая друг другу дороги, не делая попыток хотя бы понять, осознать то, что с ними произошло. Они походили на слепцов, внезапно оставшихся без поводырей. Они сквернословили, богохульствовали, причем понять их можно было только по интонации, казалось, что все они говорили на разных языках.

В одночасье они, еще вчера бывшие степенными горожанами, лауреатами и главными конструкторами, превратились в бродяг, отверженных, потерявших главное – возможность говорить и слышать. Вполне возможно, что они попали под действие забывальной бомбы, кто получил большую дозу забывального облучения, кто меньшую, но было понятно, что не пройдет и пары дней, как бывшие жители бывшего города окончательно утратят возможность говорить друг с другом. Тем более, что никто из них не горел желанием общаться с земляками.

Бубубу добавил:

– Мне кажется, что я даже алфавит забыл...

– Вы же говорите с нами, – сказал Перламутр.

– С трудом подбираю слова, – ответил он, и было заметно, что на самом деле речь ему едва дается.

– Провалился Пулемет-град, – сказал Бубубу и надолго замолчал.

Окончание следует.

